

Месторождение №3 Спящий дракон

Ахметова Елена

16+

Елена Ахметова

**Месторождение
№3. Спящий дракон**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ахметова Е. И.

Месторождение №3. Спящий дракон / Е. И. Ахметова —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

В моей жизни нет чудес. Магия перестает казаться волшебством, когда ты сам проектируешь трубопроводы для нее. Она превращается во что-то предсказуемое, понятное и повседневное, хоть и смертельно опасное. Но я знала меры предосторожности и неукоснительно их соблюдала. Пока в моей жизни не появился странный найденыш с татуировкой на груди...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Smells fishy	10
Глава 2. Barking up the wrong three	18
Глава 3. Shots in the dark	25
Глава 4. Snowed under with work	32
Глава 5. Hit home	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

За прошедший день пятно месторождения номер три расползлось еще на метр, и из земли сочился нехороший, все усиливающийся холод, а за окном висела густая морозная дымка, мешающая рассмотреть даже парковку напротив. Отопление шпарило на максимальной мощности, но из углов все равно веяло неприятной свежестью. С каждым днем промедления становилось все холоднее. Во Временном городке жили, в основном, строители, переезжающие с месторождения на месторождение, и их дети были привычны ко всему; но что будет, когда пятно доползет до ближайшего постоянного поселения, я боялась даже думать. От мысли, что промедление вызвано проектным бюро, становилось совестно.

Мне. Не топографу.

– Вот, видишь? Съемка еще позавчера была согласована, – назидательно ткнув пальцем в яркую пометку в нижнем углу голограммы с изображением городских улиц, сообщил Некрас. – Ничего я менять не буду! Подумаешь, один несчастный столб... да их тут почти три сотни!

– А именно этот выбивается из ряда и явно вычерчен не там, где должен быть, – терпеливо сказала я, проведя прямую вдоль линии уличного освещения. Спорный столб предсказуемо остался в стороне, посреди будущего газона. – И стоит аккурат на пути проектируемого магопровода.

– Так уведи трассу в сторону! – начал сердиться топограф. – Компенсатор вон сделай!

Я подняла взгляд от спорной съемки, скептически уставившись на него. В красках представила, как объясняю ему, почему этого делать не стоит, и, содрогнувшись, ограничилась спокойным, но очень упрямым:

– Компенсатор нужен в середине участка. Вот здесь.

Некрас явно с трудом сдерживался, чтобы не обрисовать мне необходимость компенсатора в каком-нибудь анатомическом отверстии. Пока воспитание побеждало.

– И что? Сделай еще один вокруг столба!

– Ты хоть представляешь, насколько это удорожает проект?! – возмутилась я.

– А у тебя есть все основания, – нахально заявил Некрас и выразительно постучал пальцем по значку согласования, отчего тот подернулся недовольной рябью.

Теперь уже я подумывала обрисовать ему компенсатор в непредусмотренном анатомией месте. Еще один. И камеру с дополнительной опорой.

– Успокойтесь, оба, – флегматично вставила Любовь Казимировна, обматываясь толстым шерстяным шарфом. – Завтра выйдет Малуша Путиславовна, зададите ей вопрос, как быть. Толку от ваших бесконечных споров? Собирайтесь лучше. Через полчаса отопление выведут на дежурный режим, и вы здесь вдвоем к голографу примерзнете.

Тут она была права. Если уж мы не могли решить вопрос между собой, следовало дожидаться начальства. Но мне не давал покоя все ускоряющийся темп роста месторождения.

Когда проектное бюро получало задание, залежи морозили только крошечное озерцо в пяти километрах от поселка Малые Буйки. А теперь, месяц спустя, – пятно расползлось почти втрое против прежнего и останавливаться явно не собиралось. А ведь спроектировать магопровод мало – его еще нужно построить, подключить и пустить в эксплуатацию, прежде чем месторождение прекратит расти и угрожать урожаю...

До фаталистически-спокойного отношения Любви Казимировны к подобным вопросам мне явно не хватало еще лет тридцати-сорока стажа, и я, хоть и послушалась ее совета и стала собираться домой, все-таки решила заодно проехать по спорной улочке Временного городка, чтобы своими глазами посмотреть, где же на самом деле стоит этот несчастный фонарный столб.

У проектного бюро своего климатического купола не было, и по дороге до автосаней я успела знатно окоченеть – а кабина, как назло, промерзла насквозь, и даже усиленная печка прогрела ее отнюдь не сразу. Снаружи быстро темнело. Из-за морозной взвеси в воздухе казалось, что над городком восходит три луны разом, и вокруг каждого зажегшегося фонаря расходился призрачный световой ореол.

Дорога до нужной улочки заняла меньше четверти часа, но до спорного столба я так и не добралась, резко затормозив в самом начале.

Вообще говоря, благодаря своей специфической профессии я уже неоднократно видела мужчин в сугробе. Для Временных городков, где большинство рабочих трудится на износ, это, увы, совершенно нормальное явление. Правда, обычно мужчины в сугробах все-таки не задерживались – особенно в сорокаградусный мороз. Незнакомец же явно провел в снегу больше, чем того требовал здравый смысл.

Улочка, разумеется, оказалась пустой – в районе планируемой прокладки магопровода старались ничего не строить, не арендовать, а уж жить здесь могло прийти в голову только временным рабочим, в которых пока что не было нужды.

Если бы я наткнулась на пьяницу за пределами холодного пятна, точно не стала бы помогать. Человек сам пустил свою жизнь под откос, у него всегда есть возможность все изменить. Но у этого парня уже через полчаса начнутся проблемы даже с возможностями, поэтому я, чертыхаясь, выскочила из нагретого салона автосаней и неуверенно подошла к сугробу.

Спиртным не пахло.

На похлопывание по щекам незнакомец не реагировал, а я, присмотревшись, быстро оставила лишние физические воздействия и, примерившись, волоком потащила его в автосани. В спине почти сразу что-то хрустнуло. Я быстро выпрямилась, безрезультатно потирая поясницу через толстую шубу, и замерла.

В сугробе, аккуратно под головой парня, уродливым пятном лежал темно-красный лед. Я снова безнадежно чертыхнулась, выпустила свою добычу и полезла за переговорником. Мне повезло: Беримир, хоть и был на выезде, уже освободился и сразу снял трубку.

– Только не говори, что опять простыла, – устало вздохнул он вместо приветствия.

Я не сдержала нервный смешок и честно описала своего найденыша – включая цвет льда под его головой.

– Его вообще можно было двигать? – растерянно спросила я.

– Ну, вообще не стоило, – флегматично сообщил Беримир. – Кто ж его знает, вдруг что проломлено? Но сейчас, по совести, если ты его оставишь на улице, помощи он все равно уже не дождет, так что поймай кого-нибудь более подходящего, нежели хилая проектировщица, и пусть его затащат куда-нибудь... только не сразу к печке! Пусть отогревается постепенно, потихоньку. И не вздумай растирать!

– Само собой, – растерянно отозвалась я, оглядываясь. Кого-либо более подходящего, нежели хилая проектировщица, на улице не было в принципе. – Что делать с легким обморожением, я знаю.

– Вот и умница, – похвалил Беримир, как будто во Временном городке можно было найти хоть кого-то, кто не знал, что делать с обморожением. – Как твоего найденыша допрут до ближайшего дома, позвони еще раз и скажи, куда ехать. Я заеду ближе к утру, а то сейчас поступил срочный вызов в шахту. Там прорыв, так что это наверняка надолго.

– Поняла, – пересилив растерянность, кивнула я.

Рванувшая шахта с доброй сотней рабочих – куда важнее, чем один потеряшка. В автосанях есть охотничьи лыжи, приобретенные специально для ходьбы по месторождению, и их вполне можно использовать вместо волокуши, а вот потом придется поднапрячься, чтобы перетаскать парня на выдвигающийся пандус для детских колясок, встроенный в заднее сиденье.

Но это, по крайней мере, реально выполнить – в отличие от попыток волочь находку на своем горбу или искать кого-нибудь в помощь в десятом часу посреди незаселенного района!

Распланированные действия отняли прилично времени, но по их завершению я все равно не могла представить, что делать дальше.

Везти его в стационар? После прорыва в шахте там, должно быть, мест даже в коридоре нет. Дежурный врач развернет меня с порога и будет прав: рабочие важнее.

Ждать Беримира в автосанях? Найденышу-то в салоне самое то, а вот для меня честные плюс двенадцать (уж на что хватало печки) на несколько часов – гарантия той самой простуды, которой врач опасался с первых слов. Да и что потом? В стационар парня даже Беримир не пристроит. Он подчиняется тем же распоряжениям, что и дежурный врач: жизнь профессионалов своего дела всегда приоритетнее, чем неизвестно кого, шатавшегося посреди смены где-то на задворках города.

Беримир, впрочем, вполне мог поддаться приступу своего извечного человеколюбия и взять найденыша отлеживаться к себе домой. Но у него комната в общежитии при госпитале, и он там и так живет не один...

Я с сомнением оглянулась на заднее сиденье.

Найденыш был бледен, как смерть, и вдобавок мокр: иней и налипший снег стаяли, и графитово-серая парка казалась черной от сырости, а ресницы слиплись и топорщились темными иголками. Я осторожно стянула с его лица намотанный до самого носа шарф и с сомнением хмыкнула, наткнувшись взглядом на длинный шрам, единым росчерком пересекающий губы и взлетающий, постепенно истончаясь, к левому глазу. Рубец обрывался аккуратно по линии шарфа, будто незнакомец кутался не столько от холода, сколько из-за необходимости скрывать увечье.

– Где же это тебя так... – пробормотала я и поспешно отдернула руку, невольно потянувшуюся к основанию шрама.

Кажется, до увечья он мог похвастаться идеально очерченными губами, которым позавидовала бы и Первая Дама. Но это определенно не то, что должно было прийти мне в голову посреди пустой улицы морозной ночью!

Я решительно отвернулась и вцепилась в руль, кляня себя последними словами.

Жила я в условно привилегированном районе. Заселение сюда стоило намного дороже, нежели в типовые дома в центре: индивидуальный климатический купол, законопослушно приподнятый на метр над землей, увеличивал стоимость стройки вдвое, но внутри стоял все тот же легкий каркасник с двумя жилыми комнатами и одинокой печкой-буржуйкой.

Будь я более морозостойкой, хватило бы и ее одной. Но благодаря климатическому куполу, обеспечивающему меня еще и доброй соткой свободного пространства вокруг домика, мне было куда деть найденыша, не таща его к себе в спальню, даже не познакомившись. А что за эту роскошь мне предстоит работать еще десять лет на проектное бюро и мотаться с месторождения на месторождение... ну, можно подумать, я умела что-то еще.

Что ж, сегодня сибаритство и законопослушность встали на пути человеколюбия непреодолимым препятствием высотой в семь ступеней, на которые нужно было затащить не самого мелкого на моей памяти мужчину.

Сначала я поднялась сама, открыла дверцу купола и с надеждой обернулась, но купол ниже не стал. Зато навстречу припозднившейся хозяйке выскочила Тайка, но за пару шагов до выхода шлепнулась на задницу и истерично замела хвостом, поскуливая от восторга. Приблизиться даже не пыталась: еще помнила, как холодно бывает за куполом.

Я с сомнением осмотрела собаку. Теоретически Тайка считалась ездовой; на деле последние полгода она таскала исключительно пустую миску – причем с чрезвычайно назидательным

видом (и при полном попустительстве безответственной хозяйки). Но сама я найденыша точно не подниму, а купол, в отличие от автосаней, автоматическим пандусом не оборудован.

...как выяснилось, на случай внезапного приступа благотворительности все-таки следовало заказать пакет «молодой мамы» вдобавок к прочей комплектации купола. Или, по крайней мере, завести трех-четырех ездовых псов, потому что вдвоем с Тайкой мы смогли только аккуратно прислонить найденыша к крутой лестнице, уперев лыжами в снег.

На мое счастье, сдавленная ругань и восторженный лай заинтересовали мою ближайшую соседку, и пять минут спустя, выяснив, что происходит, она... нещадно поржала надо мной.

– Ну, инженер! – восторженно воскликнула Велислава и, махнув рукой, скрылась в своем куполе.

– Так проектировщик же, – сказала я в свое оправдание, когда соседка вернулась с велосипедом, автосанным тросом и двумя упорами. – Конструктор из нас двоих все-таки ты.

– Тогда ты будешь рабочей силой, – постановила Велислава, все еще посмеиваясь, и вручила мне упоры, а сама отправилась обвязывать найденыша тросом – прямо поверх самодельных волокуш и уже обмотанного вокруг него собачьего поводка. – А ты, Тайка, – почетным помощником инженера!

Собака от таких карьерных перспектив пришла в восторг и, забывшись, выскочила наружу, чтобы лично облобызать благодетельницу. Впрочем, наступив в похрустывающий от мороза снег, Тайка поняла, что не настолько благодарна, и с жалобным визгом взлетела обратно в купол, стараясь поджать все четыре лапы одновременно. От ее энтузиазма найденыш поднялся на целую ступеньку, но тут же съехал обратно.

– Может, попробовать удержать ее снаружи в течение восьми минут, и не париться? – задумчиво предложила Велислава, едва не получившая лыжей по валенку, но все-таки затащила внутрь велосипед – и через три минуты найденыш возлежал у края купола. За время транспортировки он успел заново заиндеветь и теперь мог снова похвастаться слипшимися от воды ресницами и мокрым мехом на капюшоне парки. Велислава машинально стряхнула капельки на пластиковый пол купола и велела: – Звони Беримиру.

– Подождешь его вместе со мной? – малодушно попросила я, доставая переговорник. – Как-то мне не по себе немного.

Соседка с сомнением оглянулась на свой купол, и я поспешила намекнуть на пряник:

– Мне родители сухофрукты прислали. Попьем чаю на террасе?

– Уболтала, чертяка языкастая, – хмыкнула Велислава и принялась расстегивать парку.

Тайка едва не взвыла от восторга: эта хитрая морда точно знала, кому достанется все внимание гостыи, пока хозяйка будет суетиться на кухне. Соседка хмыкнула, огляделась – и вскоре собака носилась по всему куполу, неизменно притаскивая Велиславе мячи (не всегда те, которые она бросала). А я набрала знакомый номер и ушла в дом, прижимая трубку плечом.

– Как раз вовремя, – бодро откликнулся Беримир на пятом гудке. – Куда ехать?

Я нервно сглотнула.

– Ко мне.

Будь это кто-то другой, я бы услышала целую отповедь. Среди ночи тащить незнакомого раненого парня к себе домой – вполне объяснимый поступок для мужчины, но никак не для одинокой девушки; я не знала, что найденыш примется делать, очнувшись, не знала, что он делал в районе будущей прокладки магопровода, за что получил по голове (и не захочется ли мне добавить)... да вообще ничего не знала!

Но по другую сторону линии был Беримир, и он просто молчал. Долго. Укоризненно. И я все поняла и так.

– Я не одна, не беспокойся, – сказала я ему. – Со мной Велислава и Тайка.

– Хорошо, – вздохнул он. – Расстегни ему парку, что ли. Только не пытайся снять, надорвешься еще... Я скоро буду.

Я покорно выполнила указания и вернулась на кухню. Привычные действия успокаивали и помогали привести мысли в порядок – правда, мысли эти неизменно возвращались к злополучному столбу, лишнему компенсатору и не одобряемому приличным обществом словарному запасу, который мне нестерпимо хотелось обрушить на топографа и не вовремя подвернувшегося найденыша. Поэтому на стол на террасе я накрывала на автопилоте, не подключая голову, и здорово загрузилась, когда Велислава удивленно спросила:

– А что, Беримир чай не будет? – и заалела, как маков цвет.

Я спохватилась, что поставила всего две чашки и, кажется, тоже покраснела.

– Будет, наверное, – неуверенно предположила я: спросить его я не догадалась. Но будет вежливо сразу поставить третий прибор, чтобы гость не подумал, что на него не рассчитывали.

Когда я вернулась с кухни, Велислава как раз отпирала купол и улыбалась, как кошка мыши. Беримир же, по всей видимости, был не в состоянии оценить уровень опасности: врач больше всего походил на крайне изнуренный кусок инея и выглядел так, будто нуждался в своих же услугах. Я поставила третью чашку на стол и поспешила навстречу.

– Привет, – все-таки улыбнулся врач и выкарабкался из тяжелой парки. – Где можно вымыть руки?

– На террасе есть раковина, – я показала где и смущенно добавила: – И розетка для диагноста тоже там.

Беримир взглянул на найденыша, все еще валяющегося у края купола, приподнятую над полом террасу – и обреченно вздохнул, но все-таки вытащил парня из парки и с моей помощью приволок на подготовленное место. Велислава, забыв про возжеленные сухофрукты, услужливо сняла с розетки герметичный колпак, собственноручно подключила диагност и быстро спрятала ладони подмышки – греть. Из открытой розетки потянуло нехорошей свежестью, и врач поспешно включил диагност, оттягивая свободную магию в прибор.

Но тот вместо привычной голограммы с подсвеченными областями повреждений выдал ошибку и надсадно запищал.

Беримир нахмурился и перезапустил диагност, но прибор своего мнения не поменял: найденыш, по его мнению, был непригоден для сканирования, – и врач, чертыхнувшись, поспешно выключил свое орудие.

– Что за... – ругнулся он и, засучив рукава, проверил пульс и дыхание найденыша вручную. – Нет, нормально... ну-ка, Ратиша, стой смирно! – скомандовал врач и нацелил диагност на меня.

«Нервное истощение, острый ринит, требуется общий анализ крови», – злорадно мигнула голограмма с подсвеченной областью поражения.

Я виновато шмыгнула носом.

Беримир утомленно вздохнул, велел соседке выключить диагност из розетки и вытащил из сумки какой-то вытянутый прибор всего с двумя индикаторами. На найденыша он сердито мигнул красной лампочкой, и врач удивленно заломил бровь и бесцеремонно задрал на парне свитер.

– Ого! – тихо выдохнула Велислава, кажется, готовая сменить объект своего деятельного интереса.

– Вот идиот! – сказал Беримир. – И как его сканировать?!

Я промолчала, с интересом рассматривая большую татуировку на левой стороне груди: моему найденышу пришлось в голову изобразить на себе длинный вертикальный разрез, кое-как прихваченный толстыми черными нитками. Края «раны» расходились, и на «дне» виднелся маленький моторчик, оплетенный артериями – словно сердца там и не было.

Что ж, для сканирования стандартным диагностом найденыш, как и все обладатели цветных татуировок, действительно не годился. Правда, на моей памяти это был первый человек, сделавший с собой такое добровольно.

Глава 1. Smells fishy

(англ.) не внушать доверия, казаться сомнительным

Мой домик временно превратился в ночлежку. Найденыша по-прежнему было некуда девать, а Беримир счел, что оставлять беззащитную девушку со стукнутым по голове незнакомцем – плохая идея. Лично меня идея ночевать под одной крышей с двумя мужчинами, один из которых – мой же бывший, а второй – вообще черт знает кто, настораживала не меньше, но вышвырнуть обоих за купол все равно рука не поднялась.

Как выяснилось, напрасно.

Ночью найденыш устроил знатный переполох, когда вдруг решил запросто встать и наполнить остывшую грелку. В принципе, как впоследствии выяснилось, пострадал он не так уж сильно, и подняться был вполне способен, но не учел, что в чужих домах порой водятся собаки, которые никак не могут позволить незнакомцам дрыхнуть без присмотра.

Словом, найденыш наступил на спящую у дивана Тайку. Та незамедлительно выразила свое недовольство таким развитием событий – всеми доступными способами. К счастью, прокусить штаны она не сумела, но неповторимый дуэт из скулежа, лая, рыка и испуганной ругани разбудил всех. Правда, к тому моменту, как я оделась и вышла из спальни в зал, где и разыгралась драма с отдавленной лапой, найденыша взял в оборот Беримир, а Тайка с оскорбленным видом вылизывалась в углу.

– ...следовало приложить холод. Кто бы тебя ни бросил в сугробе, он оказал тебе не такую уж плохую услугу. Простуду вылечить несложно, а голова особо не пострадала, – с характерной нейтрально-дружелюбной, несколько излишне бодрой интонацией вещал врач.

Найденыш машинально кивнул, принимая к сведению, и всем корпусом повернулся на скрип двери.

– Привет, – выдавила я из себя.

Беримир не поленился включить свет, и я во всех подробностях смогла разглядеть, как темные волосы найденыша смешно топорщатся над повязкой на голове, а бинты, которыми врач вчера прикрутил резиновую грелку к татуировке, сползли и экзотическим украшением оплетают туловище. Будь это кто-то другой, вид был бы чрезвычайно дурацкий.

У найденыша – почему-то не был.

– Привет, – неуверенно отозвался он и зачем-то встал, заработав недовольный взгляд Беримира. – А ты... вы?... – и неподдельно смутился, уткнувшись взглядом в выроненную грелку, откуда, естественно, вытекла вся вода.

Неадекватный маньяк с неконтролируемыми приступами агрессии вряд ли стал бы переживать из-за лужи на деревянных досках пола и интересоваться, как правильно обращаться к потенциальной жертве, и я невольно расслабилась. Но компания Беримира отчего-то по-прежнему казалась чуть ли не жизненно необходимой.

– Ратиша, можно на «ты», – отчиталась я и выжидательно умолкла.

– Найден, – представился в ответ он и попытался обезоруживающе улыбнуться.

Не получилось. Пересеченная шрамом половина рта двигаться симметрично отказывалась, и гримаса вышла однобокой. Я улыбнулась в ответ только из-за его имени.

Найденыш. И вправду найденыш.

– Давай грелку, наберу воды из нагревателя, – велела я.

– Согрей заодно бульон, – попросил Беримир и снова повернулся к найденышу. – А ты садись, я еще не закончил осмотр. Твое счастье, что во Временных городках врачей заставляют проходить курсы повышения квалификации для работы вручную...

Под его привычное добродушное бурчание я удалилась на кухню. Борясь со слипающимися глазами, достала из подпола кастрюлю, разгерметизировала розетку для плиты – и подскочила, едва не расплескав бульон, когда за стеной кто-то вдруг зашелся надсадным кашлем.

– Все нормально?

– Нет! – бодро отчитался из-за стены Беримир. – Но грелка и горячий бульон исправят ситуацию за несколько дней.

Я несколько успокоилась. Простуда – явление привычное, хотя кашель, на мой взгляд, тянул на полноценный бронхит. Но врачу, пожалуй, виднее.

Когда я вернулась, найденыша заметно колотило, и в грелку он вцепился, как утопающий – в спасательный круг, и тут же с невероятной нежностью прижал ее к груди. К бульону Найден отнесся с меньшим энтузиазмом, но рекомендациями Беримира пренебрегать не стал.

– Татуировка оттянула в себя магию из диагноста, – с профессионально дозированным сочувствием пояснил врач и помог пациенту плотно прикрутить грелку к нарисованному моторчику. – Она будет охлаждать, пока не выветрится естественным путем. Вероятно, сутки-двое. Чем чаще будешь менять грелку, тем скорее. В остальном... теплое питье: отвар шиповника, корня солодки, тархуна, эхинацеи. Повязку с головы можно будет снять завтра. Там уже почти все в порядке. Непонятно только, из-за чего ты не приходил в себя даже в сугробе. Помнишь что-нибудь о вчерашнем дне?

Найден заметно напрягся и взял паузу, чтобы отпить бульон.

– Я собирался переговорить с начальником смены в шахте, – сообщил он наконец. – Хотел наняться на пару месяцев, но... в общем, не дошел.

Работать в шахте магии – с огромной татуировкой на груди? Пожалуй, если бы он дошел, обнимашки с грелкой рисковали стать его любимой формой досуга.

– Ну, сейчас у них определено много вакансий, – грустно заметил Беримир. – Но на твоём месте я бы держался от магии подальше еще неделю-полторы.

– Много вакансий? – переспросил Найден – воодушевленно, но уже чуя подвох.

– Прорыв в полевом штреке, – вздохнул Беримир и потер шею. – Шахта затоплена до середины. Выше – двухметровый слой льда. К полуночи должны были загерметизировать и начать откачку в надземные резервуары, но особой погоды это не сделает, все равно придется рыть новую с другой стороны от жилы. Словом, рабочие руки там действительно не помешают, но... воздержись пока, ладно? Хотя бы неделю.

– Не могу, – виновато признался Найден и теснее прижал грелку рукой. – Я рассчитывал на общежитие для шахтеров. Без рабочего места мне здесь и пойти некуда.

Про отсутствующие документы он тактично промолчал – похоже, побоялся, что будет выглядеть совсем уж жалко. Я обреченно вздохнула и потеряла глаза. Наверняка утром сложившаяся ситуация покажется мне неловкой и смущающей, но пока что мне хотелось только упасть и уснуть – причем уже неважно где.

– Беримир, у тебя же выходной сегодня?

– Только если кого-нибудь в «тяжелые» не переведут, – пожал плечами врач – а у самого уже глаза горели надеждой выспаться в тишине, покое и тепле климатического купола, а потом еще и не ждать очереди в санузел.

Он всегда любил комфорт. И во Временный городок ни за что не поехал бы, если бы не капризная невеста, пожелавшая пышную свадьбу с непременно красным платьем и толпой гостей – пусть даже ради этого ее придется отложить до строительства магопровода номер три, после которого на месторождении останется жить только обслуживающий персонал.

Беримир и Ведана – еще один отличный повод поскорее завершить проект трассировки. И если бы не Некрас и Найден, большая часть моей работы была бы завершена еще вчера!

– Я сегодня задержусь в бюро, – предупредила я. – Оставайтесь оба. Вечером разберемся.

– Спасибо, Ратиша, – с облегчением сказал Найден. – Я...

– Лучшая форма благодарности в четыре утра – это возможность доспать до шести, – тонко намекнула я.

– Понял, – беззлобно рассмеялся найденыш и потянулся за одеялом, но замер. – А где можно взять тряпку?

– Тряпку? – удивленно переспросила я, обернувшись уже в дверях.

Найден без лишних слов показал на внушительную лужу на полу. Выглядел он чрезвычайно смущенным – а еще лохматым и сонным.

Я хмыкнула, щелкнула выключателем автоуборки пола и удалилась под надсадный кашель найденыша.

К вечеру больше всего хотелось снять свою голову с плеч, потрясти за уши и приставить обратно. Малуша Путиславовна встала на сторону Некраса, и мне пришлось полностью переделывать расчет на прочность и компенсацию, на что благополучно угробилось полдня. В итоге к моменту отключения отопления в здании бюро я не успела вычертить приличную часть проектных решений, и ребята из строительного отдела смотрели волком. Я отделалась от них обещанием завтра выслать план трассы и уехала домой, молясь, чтобы из-за отсутствующего пока вертикального профиля сети конструкторам не пришлось выполнять двойную работу.

Впрочем, я же не уточняла, во сколько именно завтра вышлю задание...

К куполу подошла, все еще размышляя о недостроенном профиле – вроде бы я ничего не упускала, и дополнительные камеры с опорами не нужны? – и свет в доме стал полнейшей неожиданностью. Это уже войдя и не обнаружив Тайку на посту, вспомнила, что у меня весь день были гости. Причем, похоже, неслабо укатавшие мою собаку: она не являлась встречать хозяйку только в том случае, если до этого несколько часов кряду носилась по стенам, не выпуская из зубов мяч, кость или незадачливого гостя.

Впрочем, еще на террасе стало понятно, что в своих предположениях я не права. Тайка не набегалась – она обожралась. И теперь дрыхла сытым пузом кверху, забравшись под садовый столик.

Пахло так, что я немедленно обзавидовалась.

– Беримир? Ты чего? Ты же ненавидишь готовить...

– Ненавижу, – с чувством подтвердил врач с кухни и звучно хлопнул дверцей духовки. – Но этого малахольного начинает колотить от одного вида разгерметизированной розетки, а кролика он все равно уже разморозил.

– Эй, я его честно разделал и приготовил маринад, – пробурчал ворох одеял на диване в зале и только потом изволил поздороваться.

А я наконец осознала, что застыла дура душой посреди прихожей. И сумку уронила.

Пожалуй, удивительнее Беримира у плиты мог быть разве что Беримир, хамящий пациенту. Нет, он мог – но либо в ответ на хамство, либо давним знакомым и хорошим друзьям, в которых был уверен: не обидятся. Чтобы он выбрал подобный тон при общении с едва знакомым парнем...

Кажется, Найден мог поздравить себя с чрезвычайно полезным новым другом. Но об этом я предпочла промолчать, тем более что меня гораздо больше волновал весьма животрепещущий вопрос:

– А кролик пах нормально?

– Вполне, – с легким удивлением отозвался Найден. – Он на дне лежал, его заморозило так, что я его насилу отодрал от ящика.

Я смущенно кашлянула и решила придержать подробности при себе. Кролика мне вручила Велислава – кажется, почти месяц назад: ее сестра увлекалась охотой, а готовить дичь считала удовольствием ниже среднего и большую часть своей добычи пристраивала по род-

ственникам и знакомым. Я была втайне с ней солидарна, но перед кроликом в сметанном соусе пасовала даже моя нелюбовь к ведению домашнего хозяйства.

Только вот до возни с маринадами и соусами у меня никак не доходили руки...

– Тогда хорошо, – пожалала плечами я.

– Верится уже с трудом, – чистосердечно признался Найден и высунул нос из-под одеяла. – С Тайкой все нормально? Я ей ливер скормил.

– Тайка – не показатель, – флегматично заметил Беримир, появляясь в зале. – Она способна сожрать что угодно, сколько угодно и когда угодно и попросить еще.

Я почувствовала себя уязвленной, будто говорили обо мне, а не о собаке, но возразить по существу было нечего. Тайку я забрала из упряжки челночника, который не слишком заботился о своих псах. Собаку со сбитыми в кровь лапами он без особых душевных страданий повел в приют, но по дороге наткнулся на сентиментально настроенную проектировщицу на вольном выпасе.

Тайку я выходила, и она даже перестала бояться упряжи – но от маргинальной привычки жрать все подряд так и не избавилась, сколько бы я ни старалась убедить ее, что голодать больше не придется.

– Вряд ли от хорошей жизни, – отозвался найденыш и пробрался мимо меня на террасу, забавно шлепая босыми ногами.

А я отчего-то сразу поняла, как они с врачом спелись. Найден принадлежал к особой породе людей, способных найти общий язык с кем угодно.

Хоть со злопамятной собакой, которой отдал лапу, хоть с замкнутым и недоверчивым Беримиром, почему-то до сих пор считавшим себя в ответе за мое благополучие. Даже с вечно витающей в облаках проектировщицей, способной раздумывать о работе за, во время и вместо сна и днями не замечать людей за своими чертежами.

У всех есть слабые места. Точки, которых достаточно легонько коснуться, чтобы расположить к себе собеседника.

Мою Найден обнаружил с первой же попытки. Мама про такое говорила...

Что-то не слишком приятное, кажется.

На работе продолжались разборки и споры: строители, получив задание, логично удивились уменьшенному расстоянию между неподвижными опорами, а выяснив причину – единогласно признали Некраса крайне нехорошим человеком и пошли к своему начальству, дабы оно выяснило отношения между отделами. Начальство кокетничало, скрытничало и ссылалось на Малушу Путиславовну, но в конце концов сдалось и отправило топографа проверять расположение спорного фонарного столба.

Некрас отчего-то решил, что суматоха поднялась из-за техотдела и явился, чтобы во всеуслышание объявить нехорошим человеком уже меня. Тут же получил от Любови Казимировны, и дело едва не дошло до директора. Недовольно ворчащий топограф уехал искать столб, но свое дело он уже сделал: на суету и скандалы ушло полдня, а я так и не села подбивать сборную спецификацию.

Поэтому домой я явилась в дурном расположении духа, уже предчувствуя очередной выход на работу в выходные, и немало удивилась, обнаружив в куполе найденыша в компании одной только Тайки. Зато пахло снова умопомрачительно.

Осознав, что меня второй день подряд встречают светом в окнах и готовым ужином, я почувствовала себя почтенным отцом семейства и незамедлительно сообщила о своих впечатлениях вслух. О том, что напоминание о зависимом положении найденыша вряд ли обрадует, я вспомнила с опозданием.

Вопреки ожиданиям, Найден в ответ попытался изобразить вредную рожицу напортившего ребенка. Не получилось: шрам испортил все впечатление, – но общую идею я уловила.

– Так, – грозно сказала я, и Тайка, пробиравшаяся на кухню, резко хлопнулась на задницу и заискивающе замела хвостом.

Настоящий адресат фразы рассмеялся и все-таки соизволил покаяться.

Оказывается, днем Беримира срочно вызвали на работу, а Найдена в одиночестве одолела не то скука, не то слабоумие, и он оделся прямо поверх примотанной к нему грелки и сходил в участок. Найденш собирался сообщить о нападении и краже документов, получить временное разрешение на пребывание в городе и со спокойной душой переговорить с бригадиром, благо тот пока что лежал в стационаре и соваться ради встречи в шахту не требовалось.

Однако извращенное везение не отказало Найдену и в этот раз. Пока он под надзором секретарши заполнял бланк заявления, в отделение привезли напившегося до полной потери самоконтроля шахтера. Чем именно он был так удручен – то ли остановкой работ, то ли обидой на слабый пол, – найденш так и не понял. Но женщина, нахально работающая прямо под носом у печального шахтера, вызвала у него настоящий приступ ярости, и он уложил обоих конвоиров под свободный стол и укрыл стульчиком. Найден понял, что следующим на пути дебошира окажется он, и схватил первое, что попало под руку, – тяжелую вазу с сушеной кровахлебкой с секретарского стола.

Вовремя вышедший из кабинета капитан застал роскошную сцену, как найденш дарит пьяному шахтеру цветы по затылку, и собрался было запереть обоих – но быстро выяснил, что арестовывать их некому. А когда Найден аккуратно сложил дебошира под стол к пострадавшим сотрудникам и извинился, – подумал и предложил работу.

– Выпорю, – только и сказала я, услышав эту удивительную историю.

Найденш, успевший за время рассказа вручить мне одурительно пахнущую тарелку с мясным рагу, на мгновение замер, явно проглотив фразу-другую, и спокойно сообщил:

– Обычно в ответ на подобные обещания я отпускаю дюжину пошлых шуточек и вгоняю собеседника в краску. Сейчас я этого не стану делать потому, что тебя подобный юмор напугает. Но знай: мне очень хотелось.

– Учту, – кивнула я и покраснела безо всяких шуточек, но все-таки лягнула: – Но после того, как выпорю.

Найден выразительно заломил бровь.

– А обычно почтенные отцы семейств радуются, когда дети находят работу и слезают с их шеи, – героически сдержав поток острот во второй раз, заметил он. – Мне, между прочим, комнату в общежитии предоставят.

Я как раз попробовала рагу и пришла к выводу, что грядущему переезду бесплатного повара не обрадуюсь совершенно. Не получилось из меня почтенного отца, как ни крути.

– Посоветуйся с Беримиром, когда можно выходить на работу, – малодушно сказала я.

– Я с завтрашнего дня договорился, – смущенно признался найденш и тут же однобоко ухмыльнулся. – Про порку уяснил, готов в любой момент. Но на других условиях мне капитан Волков аванс не соглашался выдать.

– Аванс?! – чуть не подавилась я.

Мне казалось, что удивление иссякло еще на новостях о новой работе, но чтобы нелюди-мый, мрачный капитан Волков – бывший военный, на вид вполне способный и впрямь волков научить ходить по струнке – дал займы незнакомому найденшу без документов...

– Ратиша, кролик, которого я вчера выцарапал из холодильного ящика, был последним мясом в доме, – сообщил Найден. – Поэтому да, я выпросил аванс и зашел на рынок. Надеюсь, ты не станешь возражать против такой формы благодарности?

Я опустила взгляд в полупустую тарелку. Возражать было поздно.

А ведь купить мясо в будний день можно либо у Сварливой Нат, либо у старой Жданы. И чтобы они продали залетному новичку что-то пристойное, нужно иметь язык без костей, дьявольское обаяние и заряженный серебром дробовик.

– Пожалуй, я не против вытаскивать тебя из сугроба раз в пару недель, – созналась я и доела рагу. – Не хочешь отпраздновать трудоустройство?

– Хочу, – охотно кивнул найденыш. – А то даже похвастаться не перед кем.

В это – после показательного выступления в участке и успешно завершеного безо всякого дробовика похода на рынок – отчего-то верилось с трудом.

– Отлично, – сказала я, тем не менее, и потянулась за трубкой переговорника. – Позвоню Беримиру и Велиславе. Это моя соседка, ты ее не знаешь, но она от тебя под большим впечатлением...

Найденыш тут же насторожился и перестал подкармливать Тайку под столом.

– Ты без сознания был, – смилостивилась я. – Велислава помогла затащить тебя в купол.

– И под впечатлением не столько от меня, сколько от моего веса? – понятливо рассмеялся Найден и потрепал Тайку по холке. – Ну, что ж, кажется, я задолжал ей как минимум «большое спасибо», а как максимум – оплату лечения грыжи...

С валютой своего «большого спасибо» Найден угадал очень точно. Благодарность в виде собственноручно приготовленного ужина пошла на «ура». Во взглядах Велиславы и Тайки, устремленных на моего гостя, читалась одинаковая алчность, едва прикрытая женским кокетством.

Беримир, сплавивший своих давних поклонниц ничего не подозревавшему найденышу, злорадно заметил, что это – пожестче любой порки, и теперь только ухмылялся. Сам Найден, похоже, так не считал. Повышенное внимание его ничуть не смущало и уж точно никак не мешало травить байки про свой оригинальный способ искать работу, не вынимая грелку из-под свитера.

– А на дежурство ты как пойдешь? – удивленно спросила Велислава, выяснив столь занимательный факт о гардеробе своего нового объекта интереса.

– С термосом, – не задумываясь, ответил Найден. – Или двумя.

Я немедленно представила себе найденыша в форме, с двух рук красивым круговым проворотом загоняющего термосы в кобуру, как ковбой – парные револьверы. Но почему-то не рассмеялась. Картинка встала перед глазами, как живая, и отчего-то подумалось, что Найден в форме порядочника должен смотреться на редкость гармонично, несмотря на грелку.

– Нормативная температура в автосанях при использовании их в качестве постоянного рабочего места – от двенадцати до четырнадцати градусов тепла, – машинально вспомнила я, несколько испугавшись хода своих мыслей.

– Или соглашусь выходить из участка только на длину шланга от крана с горячей водой, – скорректировал планы найденыш, но, заметив, как нахмурился Беримир, тут же добавил: – Капитан Волков в курсе моей проблемы с терморегуляцией. Завтрашний день, вероятнее всего, уйдет на оформление, инструктаж и заселение. На патрулирование меня отправят еще нескоро.

Врач удовлетворенно кивнул, но все-таки заметил:

– Термос я бы на твоём месте все равно захватил.

Найденыш покорно кивнул и немедленно рассказал про знакомого, который устроился работать в золотую шахту, несмотря на клаустрофобию. А чтобы не биться в панике каждые пять минут, носил с собой в термосе колотый лед: когда становилось невмоготу, брал кусок в ладонь и держал, пока в голове не прояснялось...

Кажется, Найден был настоящим кладезем не то идиотских, не то поучительных баек на любую тему. Подобная осведомленность отлично помогала создавать впечатление, что перед тобой рубаха-парень с душой нараспашку.

Что он до сих пор ни слова не рассказал о себе самом, я осознала только к ночи, когда Беримир ушел, найденыш принимал душ перед последней ночевкой у меня в доме, а Велислава помогала мне мыть посуду, мечтательно вздыхая:

– Найден твой – находка!

– С этим трудно поспорить, – глубокомысленно согласилась я.

– Никогда еще таких не... – тихонько заговорила Велислава, протирая тарелки полотенцем. – Да что ты ржешь?! Находка ведь!

– Сказать ему, что ты дочь Волкова? – отсмеявшись, вполголоса спросила я и принялась за сковородку. – Вот увидишь, он будет твой в тот же момент!

– Не похоже, – задумчиво покачала головой соседка. – То есть, он, конечно, явно ищет полезные знакомства и на многое ради них готов, но к папе он уже нашел подход. Да и, если объективно, попытка ухаживать за мной – это скорее отличный способ поставить под вопрос карьеру в участке, чем повод поиметь выгоду от общения с капитаном.

Я сочувственно хмыкнула. Отец – сотрудник правопорядка и бывший военный – был основной причиной, из-за которой Велислава никак не могла устроить личную жизнь. Все кандидаты проходили жесточайший отбор, и тесного общения с капитаном Волковым не вынес ни один.

Если задуматься, то у найденыша, с его языком без костей, как раз были все шансы.

– Интересно, Найден действительно собирался работать в шахте?

Вопрос был скорее риторический, но я все равно припомнила предложение помыть полы вручную и огромные пакеты с едой на кухне.

– Вполне возможно. Ладони грубые, он привычен к физическому труду. Да и без свитера ты его сама видела.

Велислава издала томный вздох и картинно обмахнулась полотенцем.

– Нет, не вздумай ему говорить про папу. Я намерена вскружить парню голову и хочу быть уверена, что он заинтересован мной, а не капитанским чином. Не смейся! Подруга, называется...

Я показала ей язык и принялась натирать сковороду маслом.

– Подруга. Потому и постаралась донести до тебя мысль, что ищет он отнюдь не большую и чистую любовь, – заметила я.

– Да я и сама не слишком старательно ее ищу, – пожала плечами Велислава. – А без свитера он и правда хорош. Пожалуй, лучше Беримира.

Я не стала спорить. И даже укоризненно качать головой в ответ на наивную женскую надежду, явно теплившуюся где-то на задней стенке ее черепа, тоже не стала.

Маленький кусочек сказки. Почему бы и нет?

– Ты не в настроении, – заметила соседка и игриво вытянула меня по спине холодным полотенцем, отчего стала права вдвойне. – Что случилось? Некраса же выставили корректировать глазомер?

– Хотен приезжает, – призналась я и отобрала у нее полотенце.

Велислава понятливо умолкла и приготовилась прощаться, но вдруг замерла и ойкнула, глядя куда-то мне за спину.

– Хотен? – вкрадчиво переспросил мужской голос.

Я отчего-то покрылась мурашками с ног до головы и обернулась. Найден стоял в дверях кухни и однобоко усмехался, словно слышал наш с Велиславой разговор от и до, а вовсе не плескался в душе. Босой, взъерошенный, в простой рубашке на выпуск он производил весьма интересное впечатление.

– Ты в его штанах, – сообщила я ему. – Это мой парень.

Все остальное я была решительно не готова обсуждать.

– Вот как, – только и сказал найденыш, прошлепав мимо меня к раковине. – Значит, мне следует заметить за собой следы с особым тщанием?

Велислава заломила бровь.

Штаны оказались слишком широки и явно съехали ниже, чем должны были сидеть по исходному замыслу – и только поэтому не бросалось в глаза, что они еще и коротковаты.

– Лучше сразу готовься к бою, – жизнерадостно велела соседка, с трудом отведя взгляд. – Хотен – ревизор третьего чина. Уж что-что, а следы чужого мужчины он и за версту обнаружит!

– Понял, – с озорной улыбкой обернулся найденьш и подмигнул почему-то мне. – Буду просить политического убежища.

– Приступай, – строго велела я.

В основном потому, что хитрый взгляд Найдена, блуждающий где-то в районе моей шеи, настораживал невероятно.

Глава 2. Barking up the wrong three

(англ.) направлять усилия не в ту сторону, ошибаться

Пятно месторождения после прорыва в шахте будто бы угомонилось, продвигаясь вперед крошечными шажками. Тихо, незаметно – но по-прежнему неотвратимо.

У меня все валилось из рук. Цифры норовили расплыться перед глазами, а неподвижные опоры на чертеже магопровода казались жирными крестами, которые следовало бы поставить на трассе.

Отчаявшись дождаться адекватную съемку, я плюнула и, плотно засев в бюро, сделала два варианта трассировки. Какой согласуют – такой и выдам; по крайней мере, дальнейшее промедление будет не на моей совести.

Однако после моей третьей попытки пройти нормоконтроль, закончившейся весьма язвительными замечаниями от соответствующего отдела, Малуша Путиславовна с сомнением оглядела голограмму модели магопровода и все-таки дала мне выходной. Когда я попыталась возразить и откорректировать чертеж, не отходя от кассы, начальство прямо заявило, что в подобном состоянии я тут такого напроекирую, что Малые Буйки век из-под снега не вылезут.

С этим спорить было трудно.

После месяца работы в темпе «чертеж нужен был позавчера», без нормальных выходных и с постоянными сверхурочными, я представляла собой крайне жалкое зрелище и действительно могла наляпать ошибок по невнимательности. Хорошо еще, если они коснутся только оформления; а если где-нибудь в расчетах?..

Но ехать домой я боялась. За час до памятной разборки с отделом нормоконтроля пришло сообщение от Хотена.

«20:10, станция «101-й километр».

Ни просьбы встретить, ни единого вопроса: где установили мой домик, во сколько я обычно возвращаюсь из проектного бюро – кажется, он и так все знал. Просто поставил меня в известность о своем прибытии.

– Беги скорее, – замогильным голосом велела Любовь Казимировна, – пока не спохватились, что ты еще задание сметчикам должна.

Я бледно улыбнулась и побрела на выход, заматываясь в шарф. Не признаваться же, что с куда большим удовольствием осталась бы перепроверять спецификации? По мнению Любви Казимировны, мне полагалось вприпрыжку мчаться к своему парню.

Которого не видела... сколько же я его не видела?

Голова не соображала совершенно, но мороз, как обычно, взбодрил и разогнал мысли. Правда, ни до чего дельного я не додумалась. Теперь мысли вились вокруг покупки портативного тепловентилятора в автосани – или билета к родителям. И то, и другое, увы, откладывалось на неопределенный срок, как минимум – до сдачи объекта. Поэтому к куполу я приползла в состоянии легкой заморозки, уговаривая себя, что и в этом есть свои плюсы (лучше сохранюсь, например), и на свет в окнах обратила внимание только в последний момент.

«Найден», – почему-то подумала я – и поняла, что ошиблась, едва Тайка с восторгом выскочила мне навстречу.

Найденыша я не видела уже несколько дней. И, конечно, ему совершенно нечего было делать у меня дома на ночь глядя.

– Здравствуй, – негромко сказал Хотен, выйдя на террасу.

– Привет, – отозвалась я, замерев на пороге, как пойманный с поличным вор.

Конечно. Я же сама дала ему ключи от дома... когда же это было? Шесть месяцев назад? Семь?

В отношении на расстоянии я перестала верить уже две недели спустя после его отъезда, когда едва не надорвалась, таща на своем горбу Тайку с кровоточащими лапами. Я не знала, как об это рассказать по переговорнику или какими словами описать в письме. Тайка плакала, скулила и не могла идти сама, у нее выпирали ребра и лезла шерсть, а я ненавидела и стыдилась за весь род людской.

Хотен бы не понял. Это нужно проживать, а не рассказывать. Как и покупку дополнительного климатического контроля для купола, когда от ненавистного холода руки покрываются красными звездочками растрескавшейся кожи. Как согласие впервые взяться за разработку магопровода от и до, ведущим специалистом, без проверок и постоянной поддержки от старших коллег. Как уход за Велиславой, когда та свалилась с лихорадкой и не могла согреться. А уж каково волоочь Найдена с разбитой головой и не знать, кто он и что с ним...

Хотена не было рядом все это время, и меня не оставляло ощущение встречи двух чужаков.

А он, кажется, совсем не изменился. Все та же крепко сбитая фигура, мощные ноги, широкие плечи – будь Хотен немного ниже, выглядел бы совершенно квадратным; светлые волосы, как и раньше, коротко подстрижены, лицо идеально выбрито. И глаза по неискоренимой профессиональной привычке сразу же обшаривают любого, попавшего в поле зрения.

– Совсем бледная, – вынес вердикт ревизор.

Я могла только виновато развести руками. Белокожей я, как и многие светловолосые, была всегда – а на морозе магического месторождения распрощалась с последними веснушками и окончательно превратилась в бледную моль. Зато Хотен в ходе последней ревизии где-то на юге Штильграда приобрел роскошный золотистый загар и новый шрам на предплечье, весь какой-то рваный и откровенно жутковатый.

– Бывший директор ПромКомба спустил на меня пса, когда понял, что на должности не останется, – прокомментировал Хотен, мгновенно заметив и правильно истолковав мой интерес.

Машинально покосилась на Тайку. Собака вела себя так, будто никого, кроме хозяйки, в куполе нет.

– Чья голова полетит на этот раз? – спросила я, почесав Тайку за ухом, и спохватилась. – Идем в дом, там вроде бы еще было что-то съестное... – и снова замерла, потому что Хотен не сдвинулся с места – и вид имел диковатый и напряженный.

– Издан приказ о ревизии месторождения номер три, – глухо сказал он, – и всех связанных с ним предприятий. В том числе – проектного бюро. Наверху недовольны задержкой.

Я осталась стоять у открытой двери на террасу, хотя Тайка уже с воодушевлением просочилась в дом и явно направлялась на кухню.

– И ты здесь в порядке начала расследования?

Хотен чуть склонил голову, осторожно взял меня за руку, улыбнулся – но врать не стал:

– В том числе.

Я подавилась воздухом.

– Нет, я не жду, что ты тотчас вынесешь весь сор из избы, – понимающе усмехнулся Хотен, не дождавшись от меня адекватной реакции. – И допрос немедленно учинять не буду. У меня, к сведению, рабочий день закончился четыре часа назад... как и твой. Давно ты пашешь в таком темпе? На тебе лица нет.

От необходимости судорожно обдумывать ответ (что бы Хотен ни говорил о допросе, на самом деле он его уже начал) меня спасла настойчивая трель переговорника. Я высвободила руку и виновато улыбнулась ревизору. Он понятливо кивнул, но сомневаться не приходилось: о своем вопросе Хотен не забудет, и мне так или иначе придется сознаваться в многонедельных переработках.

Но, надеюсь, у меня будет достаточно времени, чтобы сообразить, как бы изложить это таким образом, чтобы проектное бюро не выглядело сборищем бездельников, которые спохватились только в последний момент, когда вышли все сроки.

– Привет, – мученически выдохнула трубка мне в ухо голосом Беримира. – Ты дома?

– Да, только что приехала, – сдуру покаялась я и зажмурилась в ожидании врачебной проповеди о вреде нервного истощения.

Но это, к счастью, по-прежнему был Беримир, и вместо лекции по общеизвестным истинам меня ожидало полуминутное укоризненное молчание. Справедливости ради, оно действовало на меня куда эффективнее; по крайней мере, устыдилась я сразу же.

– Зато мне дали выходной! – ляпнула я в свое оправдание.

Хотен заинтересованно склонил голову к плечу, и я юркнула в дом, пока он не услышал что-нибудь еще более занимательное.

– Найду тоже, – мрачно сообщила трубка, и я застыла с одним валенком в руке посреди прихожей. Но потом сообразила: Найд – это Найден, и он изрядно преуспел в налаживании связей с врачом. А раз так...

– Еще какая-нибудь упоительная история? – предположила я.

– Не то слово, – согласился Беримир. – Угадай, кто в первый же день патрулирования застал попытку незаконного подключения к магопроводу?

Я зажмурилась.

Работа с опасными энергоносителями, сложной аппаратурой и повсеместной автоматизацией очень быстро заставляет чувствовать себя так, словно вокруг одни идиоты. Долгая работа в подобных сферах потихоньку внушает мысль, что, если вас окружают идиоты, значит, вы – центральный.

Но даже на фоне столь прискорбных выводов идея подрубиться напрямую в единственный на данный момент магопровод – на минутку, высокого давления, диаметром в мой рост, с перспективой снабжения четырех окрестных сел и одного города – выглядела, мягко говоря...

– Выжившие есть?

– Есть, – обрадовал меня Беримир. – Найден. Сдается мне, парень родился в рубашке... хотя с его везением куда актуальнее было бы родиться с грелкой в руках. Я, собственно, из-за чего звоню: у него в общежитии с грелками напряг. Он, конечно, обложился бутылками с горячей водой, но татуировку все равно этим не перекрыть, а я на дежурстве в стационаре. Не завезешь ему грелку? Или Велиславу попроси, а то этот счастливчик опять переохлаждение схватит.

Велислава, насколько я помнила, как раз осталась в проектном бюро – вместе со всем конструкторским отделом; я покосилась через плечо и твердо решила не говорить об этом вслух.

– Ладно, у меня была запасная. Ты его осмотрел?

– Не я, Болеслав. Если увидишь его фонтанирующим ядом – не удивляйся, он тоже чудом вспомнил, как работать без диагноста.

Я бы очень сильно удивилась, если бы вспомнила, кто это, – но предпочла промолчать и об этом.

– Хорошо, последний вопрос, – вспомнила, наконец, я. – А где это общежитие находится?..

Разумеется, Найдену не могло не свезти и тут. У Бюро Правопорядка своего общежития не было: все сотрудники, приехавшие на месторождение, заказали перевозку собственных домиков – таких же легких каркасников с куполами, как и у меня. Найденуш оказался единственным, кому требовалось жилье, и его, недолго думая, распределили... в общежитие к шахтерам. Одна я туда соваться на ночь глядя побоялась, так что пришлось вкратце изло-

жить Хотену историю моего «знакомства» с Найденем, старательно обходя вопрос о том, что я делала на пустой улице в десятом часу.

Мои филологические страдания оказались напрасны: общежитие пустовало. Первая смена шахтеров в полном составе лежала в стационаре, вторая – пахала за двоих на месторождении, пробивая новый штрек. Похоже, только этим и объяснялось, как Найден, с его-то коммуникативными навыками, остался без грелки в полностью заселенном общежитии.

Сонная вахтерша обрадовалась нам, как родным, словно мы ее вовсе не разбудили, но бдительности не потеряла ни на секунду.

– Я уж думала сама за грелкой бежать, – доверительно сказала она, зябко кутаясь в шаль, – но мне нельзя надолго оставлять пост, а до дома еще полчаса езды. Запишитесь в журнал визитов, вот здесь. А потом я покажу дорогу, как раз на обход пора.

Хотен, у которого давно глаза слипались, раздраженно дернул щекой и вместо записи предъявил женщине корочки ревизора.

После этого нам уже не радовались. Но дорогу честно показали.

Найдену, как назло, досталась угловая комната на первом этаже. По всей видимости, пустовала она потому, что была одной из самых холодных, и туда никто не хотел заселяться. Отсутствие климатического купола делало свое дело; лично я бы отсюда переехала при первой же возможности.

Одно окно выходило на подмороженные кусты перед стоянкой, второе – вовсе на дорогу; установили их неправильно, и изнутри по низу стекла шел толстый слой льда, а снаружи сияли белизной инеевые перья. Кто-то из жильцов попытался законопатить щели засохшей травой и мхом; из-за этого комнатка чем-то неуловимо напоминала заброшенное фазанье гнездо, но никак не человеческое жильё. Над радиаторами воздух дрожал от контраста температур, но мощности не хватало, чтобы прогреть помещение до приемлемой температуры, и вторая койка предсказуемо пустовала.

Открывший нам дверь кокон из одеяла проследил мой взгляд и бодро заявил простуженным голосом:

– Зато здесь светло! – и с любопытством повернулся к ревизору, застывшему нерушимой скалой и всем видом демонстрирующему, что за меня есть кому постоять.

Как будто это требовалось.

– Хотен Верещагин, ревизор третьего чина Особого корпуса, – коротко отрекомендовался он, заметив интерес.

Обычно этого хватало, чтобы свести все нежелательные контакты к минимуму и, бонусом, обезопасить от них меня. Но на сей раз Хотен не на того напал.

– Найден Лом, – изрек мой найденыш, резким движением откинув за спину «капюшон» из одеяла, позволяя рассмотреть изуродованное шрамом лицо, и уверенно протянул ладонь для рукопожатия. – Тиша о вас рассказывала... ну, когда не ржала с моего имени. Что теперь-то?

– Лом, – виновато всхлипнула я, не в силах бороться со смехом, и сунула ему грелку. – Найден Лом! Ох, да как ты школу закончил, тебя же должны были задразнить насмерть!

Найденыш пожал плечами под одеялом.

– Как-то закончил. Но ничего, – искоса взглянув на меня, хмыкнул он, – ты, похоже, решила наверстать и задразнить-таки... чаю? Или чего-нибудь посерьезнее?

Хотен, по всей видимости, собирался отказаться и уйти. Но вместо меня ответил мой желудок, еще отлично помнивший, что такое «посерьезнее» в исполнении Найдена, и тот беззлбно рассмеялся:

– Понял, вопрос глупый. Подождите здесь пару минут, хорошо? Добегу до кухни, заодно грелку наполню.

Я виновато кивнула и, получив рекомендацию не разуваться ни в коем случае, уселась на вторую кровать: стул в комнате был всего один, металлический, холодный даже на вид.

Хотен с сомнением покосился на него и остался стоять, прислонившись к стене и выжидательно склонив голову к плечу.

– Что? – неловко спросила я.

Хотен скрестил руки на груди. В его исполнении жест вышел чрезвычайно внушительным.

– И как ты не побоялась?

Уточнять, чего именно, я не стала. Парень с жутким шрамом и татуировкой – пусть не каторжной, но все-таки; словивший по голове, оставшийся без документов и денег... а я притащила его к себе домой. Выхаживать.

– Он был под присмотром. Я попросила Беримира. Да и... ну вот честно, ты бы смог бросить человека замерзать насмерть?

Хотен чуть прищурился и улыбнулся. Открыто и насмешливо. Теперь он гораздо больше напоминал парня, с которым я начинала встречаться, а не всегда собранного и настороженного ревизора третьего чина, – и я невольно улыбнулась в ответ.

– Я уже боюсь тебя оставлять, – сказал он. – После первой командировки обнаружил тебя в компании порядочников, второй раз – продавшейся на одиннадцать лет проектному бюро за климатический купол. А теперь – с собакой, автосанями и с бывшим, ночующим у тебя, чтобы присмотреть за вторым холостым мужчиной в доме.

– Велислава – не порядочник, – только и могла возразить я. – Она дочь капитана, но работает инженером-конструктором.

Про ночлег под одной крышей я ему не говорила ни слова. Но кто сомневался, что он обнаружит что-нибудь, указывающее на него?..

– А Беримир помолвлен, – понимающе кивнул Хотен. – Это не претензии. Я просто удивлен, как быстро все меняется.

Быстро?

– Когда мы начали встречаться, я еще даже институт не окончила, – напомнила я, чудом сдержав поток возражений. – Разумеется, я изменилась с тех пор. Как и ты...

Особенно ты.

Студента Верещагина никто не боялся. Он был балагуром, весельчаком и душой компании, и я страшно гордилась собой, когда привлекла его внимание. Только вот с первой своей практики Хотен вернулся с шумом и фанфарами, отправив на рудники заместительницу директора ПищКомба номер пять. Талантливым студентом заинтересовался Особый корпус... и на выпускника Верещагина уже поглядывали с опаской. Все знали, что он далеко пойдет. И наверняка потащит за собой свою зазнобу...

Что ж, за семь лет мы и впрямь ушли чертовски далеко от себя прежних.

– Эй, что за кислые рожи? – удивленно спросил Найден, появляясь в дверях.

В одной руке он нес заварочный чайник, во второй – внушительную сковороду, и одеяло ему приходилось придерживать подбородком, из-за чего удивление вышло несколько невнятным. К тому же сковорода немедленно пошла в психологическую атаку, распространяя запах жареной картошки и красного перца с кориандром, и рожи очень быстро превратились из кислых в заинтересованные. Даже Хотен чуть подался вперед, неотступно провожая Найдена взглядом.

– Тарелок нет, – покаялся гостеприимный хозяин и пристроил сковороду на письменный стол. – Не успел купить, а чужие брать... ну, рискнул бы разве что в женском общежитии, но никак не здесь. Не то чтобы ребята агрессивные, но...

– Становятся агрессивными, когда дело доходит до мытья посуды? – предположила я, тотчас вспомнив мужское общежитие института.

Хотен адресовал мне возмущенный взгляд. За ним грязной посуды не водилось даже во времена студенчества – но на фоне четырех этажей его сокурсников этот крохотный проблеск

любви к чистоте и порядку терялся мгновенно, и впечатления от посещений у меня оставались крайне гнетущие.

– Нет, просто не моют, – пояснил Найден и снял со сковороды крышку.

После этого сомнения насчет еды при столь сомнительной сервировке перестали терзать даже Хотена. Не знаю, как у найденыша это выходило, но абсолютно все, приготовленное им, хотелось сожрать немедленно и в количестве.

– Я тебя из проектного бюро выдернул? – смущенно уточнил Найден, аккуратно складывая одеяло на своей кровати. Судя по комковатым очертаниям под толстым шерстяным свитером, грелку он уже привычно примотал к голому телу и теперь чувствовал себя гораздо лучше, что не могло не радовать.

– Нет, из дома, – отмахнулась я. – Лучше расскажи, как твоя работа. Если, конечно, отвлекаешь от еды не в надежде, что что-нибудь останется на завтра. Хотя это было бы чертовски наивно с твоей стороны.

Найденыш рассмеялся и сел поверх одеяла, чуть ссутулившись и положив расслабленные руки на колени. Я слегка напряглась, рассмотрев сбитые костяшки пальцев, но он привычно не позволил мне заикливаться на этом.

– На завтра у меня по плану омлет с ветчиной, так что не терзайся тонкими намеками и ешь, – скомандовал найденыш. Бросил взгляд на Хотена и от воспоминаний о пустом холодильном ящике воздержался. – Работа... помнишь, я рассказывал про шахтера, который уложил своих конвоиров? Из-за которого меня и приняли в отделение? Угадаешь, кто это оказался? Ладно, жуй, не угадывай. Это был начальник второй смены. В общем, шиш меня теперь в шахту возьмут работать!

– А ты хотел перевестись в шахту? – с заметным недоумением на лице спросил Хотен, отвлекаясь от картошки. Ненадолго, впрочем.

– И сейчас хочу, – сознался Найден и чуть поморщился. – Все-таки работа рядового сотрудника в участке заключается в основном в мордобое и транспортировке упившихся работяг в КПЗ. Мягко говоря, не предел мечтаний. Но за своего начальника шахтеры меня порвать готовы, даром что он за решеткой стабильно оказывается раз в неделю и в последнюю субботу пил со мной на брудершафт, не выходя из камеры – тот еще экзерсис, скажу я вам... не смотри так, товарищ ревизор, в субботу у меня был выходной. Просто забежал в участок за форменной паркой, ее как раз доставили. Ну и задержался немного.

– То есть ты хочешь перевестись из транспортирующего в транспортируемые? – хмыкнул Хотен.

Найден задумчиво оглядел ревизора, загорелого, сытого, довольного и с уймой карьерных перспектив, которых никак не могло быть у шахтера. Но все-таки сдержался.

– Нет, хочу к ребятам со второго этажа, – по-прежнему дружелюбно сказал он. – Там все перерабатывающие. У них тепло.

Хотен приподнял брови и одобрительно кивнул найденышу.

А я так и не решилась спросить, что случилось с его напарником.

– А хороший парень, – с легким удивлением признал ревизор позднее, безапелляционно усаживаясь за руль автосаней. – Странно, что он здесь застрял. Его бы на Первое месторождение – с руками бы оторвали!

– Татуировка, – напомнила я, пристегиваясь.

– А, точно, – машинально кивнул Хотен. – Интересно, зачем он так с собой? И где словил такую красоту на полфизиономии?

Я недовольно покосилась на него, и ревизор поднял обе руки в интернациональном жесте:

– Сдаюсь. Понял, угомонился. Везти тебя домой?

А мне отчего-то вспоминался темный лед под головой, тяжелое безвольное тело и боль в спине. Первые попытки Тайки ходить, скулить и поджимая сбитые лапы. И словно в противовес – как меня встречали светом в окнах, горячим ужином и счастливым лаем.

– Везти нас домой, – малодушно постановила я. – Комиссия ведь переночует разок без товарища ревизора третьего чина?..

Хотен заговорщически подмигнул и резво вырулил на дорогу.

...Звонить с работы ему начали уже четверть часа спустя.

Глава 3. Shots in the dark

(англ.) выстрелы в темноту, наугад; попытка, догадка

Следующий день я посвятила тому, что у женщин скромно именуется «выходным».

Система автоуборки пола отлично справлялась с собачьей шерстью по углам и небольшими лужицами. Но вот вытирать пыль с мебели, менять постельное белье и раскладывать вещи по местам приходилось, увы, вручную – а моя замечательная работа почти весь последний месяц оставляла время разве что на сон и еду. Которой, кстати, дома тоже не было.

Правда, сантехнику я обнаружила на удивление в пристойном состоянии, как будто ей почти не пользовались. Хотя какое там «как будто»...

А вот стирки накопилось столько, что машинку пришлось загружать трижды, и неожиданно вернувшийся домой Хотен (всего-то шестой час, почему так рано?) застал меня в глубокой задумчивости над единственным сухим свитером. По-хорошему, его тоже следовало выстирать – но высохнет ли хоть что-нибудь до завтра?

– Снова серый? – хмыкнул ревизор, рассмотрев свитер.

– Еще есть темно-синий, черный и темно-фиолетовый, но он слишком тонкий, – машинально покачалась я. – И они все сушатся.

Хотен задумчиво осмотрел сушилку и диван, на котором я разложила по полотенцам шерстяные вещи, и героически воздержался от замечаний о том, как смотрится подобная цветовая гамма на бледной в синеву девице. Вот пока у меня были веснушки... но когда они еще появятся?

– А платья у тебя остались?

Я все-таки кинула серый свитер в кучу нестиранной одежды и с недоумением обернулась.

– Осталась пара. Но платья – это как-то немного не по погоде, не находишь?

– Надевай, – командным тоном сказал Хотен. – Я подгоню автосани к лестнице.

Видимо, на лице у меня отразилось все, что я думаю о соотношении «здравый смысл/красота», потому что ревизор снизошел до пояснений:

– К твоему сведению, радиус холодного пятна – всего четыре с половиной километра, – назидательно сообщил он. – А за его пределами – май-месяц и черемуха цветет. Могу я вывезти свою девушку на свидание в весну?

Сначала я напряглась: вчера радиус был на тридцать два метра меньше, но, видимо, ревизор просто округлил для краткости, – и смысл сказанного дошел до меня с некоторым опозданием.

– Я невыезная до сдачи проекта, – виновато призналась я. – Слишком высокий уровень допуска, чтобы мне позволяли свободно перемещаться.

Хотен снисходительно улыбнулся, помахав у меня перед носом темно-бордовыми корочками Особого корпуса, и я задумчиво умолкла. Встать на пути у ревизора не рискнет ни один пограничник. Если должностному лицу третьего чина приспичило увезти персонал под подпиской о невыезде, оно увезет. Кого угодно.

– А можно заодно Велиславу позвать?

Хотен страдальчески закатил глаза.

– Женщина, ты вообще помнишь, что такое «свидание»?

Осознав весь идиотизм своего вопроса, я подавилась нервным смешком.

– Я черемуху-то не помню, а ты тут про такие сложные вещи... – пробурчала я в свое оправдание и отправилась рыться в шкафу.

Судя по настроению, ревизор не столько хотел реабилитироваться за те шесть (семь?) месяцев, что мы не виделись, сколько мечтал вырваться из холода и сумрака Временного

городка. Я еще отлично помнила, как давили на меня магические морозы в первые дни работы на месторождении и как любой выезд за пределы пятна – хоть бы и до защитных стен – превращался в маленькую сказку, поэтому без возражений влезла в первое попавшееся платье и вышла из дома.

Надетая поверх легкого летнего наряда «лисы» шуба заставила чувствовать себя куда менее уверенно, но приставать к Хотену с вопросами в духе: «А когда мы вернемся?» и «Успеем ли до ночного закрытия ворот?» я не стала. Вместо этого метнулась в дом и нацепила на запястье часы, чудом раскопав их в дальнем ящике комода.

За время моих сборов автосани, естественно, нагреться не успели, хотя ревизор включил печку на максимум, и до ближайшего перекрестка мы ехали под дружную зубную чечетку. Зато потом техника все-таки смилостивилась и задула в салон теплым воздухом, и Хотен стал добрень на глазах.

– Как работа? – рискнула спросить я на следующем перекрестке, где мы волей-неволей встали надолго, пропуская вереницу саней с рабочими, укутанными до полного сходства со стаей медведей и все равно жмущимися друг к другу, как пингвины в холода. – Был в шахте?

– В том, что от нее осталось, хочешь сказать? – хмыкнул Хотен. – Был. Скорректированный проект станции подключения – видел. Трассировку – нет.

– А проект трассировки и не выпущен еще, – смущенно призналась я и, видя, что ревизор готов свернуть обсуждение и на этом, коротко ткнула его кулаком в плечо. – Расскажи. Меня же завтра на работе припрут к стенке и учинят допрос!

Хотен с сомнением покосился на меня, будто решал, достойна ли я высочайшего доверия, и все-таки заговорил:

– Пока рано делать какие-либо выводы. Экспертиза месторождения еще не завершена, непонятно, из-за чего произошел прорыв. Кроме того, потребуется ремонт магистрального трубопровода от станции подключения до установки повышения давления. Все, кто пытался нелегально подключиться, мертвы – спросить и то не с кого, а если бы не Найден, еще и изо льда выпиливать пришлось бы идиотов, чтобы опознать...

– О мертвых либо хорошо, либо никак, – напомнила я ему.

Ревизор раздраженно дернул щекой, проводил взглядом сани с дрожащим зоопарком и стартанул, взметнув за нами снег столбом.

– Похоже, строительство магопровода так или иначе задержится еще на несколько недель, – сообщил он очевидное. – Но первопричину еще предстоит установить. И, Ратиш... давай о чем-нибудь другом. Я тебя полгода не видел, неужели нам нечего обсудить, кроме работы?

«Все-таки шесть месяцев», – машинально отметила я для себя и только потом смутилась.

– У меня здесь ничего, кроме работы, и нет, – сказала я. – А новости из дома только месячной давности. Ты их и так все знаешь.

Чрезмерно честное «кажется, нечего» я предпочла оставить при себе. И правильно сделала, как выяснилось.

Оказывается, я начала встречаться с Хотеном Верещагиным, потому что он умел превращать в увлекательную историю даже новость о покупке магпротеза колена для своей бабушки. А уж свой визит вежливости к моим родителям был способен изложить практически в стиле Найдена – только вместо грелки под свитером выступал отчет с солидным грифом, который ревизор забыл завезти на работу, но никак не мог оставить в машине...

– Как они? – с какой-то неуместной жадной тоской спросила я.

Хотен чуть пожал плечами.

– В порядке. Мама добыла первый урожай клубники, так что весь дом пахнет как ПищКомб в сладкие дни. Партия варенья обещает принять угрожающие масштабы, жди пре-

зентов. А твой папа уже предусмотрительно отнес знакомому стоматологу бутылку коньяка и пробную банку варенья... я попросил, чтобы и за меня словечко замолвил.

Я слабо улынулась.

Штильград уже казался далекой сказкой – о солнце и тепле, ласковом море и выгоревших до светло-серого цвета каменистых берегах; мой родной город не знал ни сильных штормов, ни бурь, там не было портов, а единственным способом добраться оставалась старая железная дорога через длинный тоннель, пробитый сквозь горную гряду. Малая площадь и сложные ветра над поселением исключали возможность добраться по воздуху, а неглубокий залив не позволял подплывать даже легким катерам.

Дорогу для автомобилей не стали прокладывать специально, и Штильград превратился в очередной закрытый город, самый безопасный в стране. Столицей считалась Горница, охраняющая железнодорожный тоннель и карабкающаяся на склоны Велийских гор; но правительство предпочитало жить и работать в Штильграде. А вот чтобы попасть туда, нужно было либо входить в состав дипломатической миссии, как моя мама, либо числиться среди обслуживающего персонала, как папа, либо родиться в Штильграде, как я.

Я старалась приезжать каждый раз, когда позволяло бюро. Но это бывало так редко!

А мама действительно устраивала из дома филиал ПищКомба каждый раз, когда подворачивалась возможность. Она была родом из голодной страны, лишенной и месторождений магии, и нормальных полей; после трех десятилетий спокойной жизни в Штильграде умом она отлично понимала, что необходимости в битком набитом соленьями и вареньями погребе нет – но без запасов ей становилось беспокойно, да и я обожала ее стряпню... А после моего отъезда папа как-то обронил, что за лишними банками теперь сбегается ребятня со всей улицы. О начале заготовительных работ и сообщать не нужно – запах клубники служит лучшим сигналом.

Когда-то я тоже прибежала на него. Давно...

– Не грусти, – ласково попросил Хотен и коснулся моего колена, не отводя взгляда от заснеженной дороги. – Хочешь, после окончания работ на месторождении вернемся домой вместе?

Реальность ворвалась в теплые воспоминания суровым морозом и приближающейся защитной стеной. По обе стороны от запертых ворот возвышались сторожевые башни, увенчанные высокими шапками снега.

Последний раз, когда я их видела, холодное пятно до них еще не добралось. Кажется, это было чертовски давно.

– Не уверена, что мне так быстро разрешат съездить в отпуск, – вздохнула я, поджав ногу. – Я отдыхала всего полгода назад, помнишь? А сегодня, я слышала, пришла заявка на проектные работы на Первом месторождении.

– А там что? – слегка нахмурился ревизор и полез во внутренний карман парки за удостоверением.

– Расход в магистральных трубопроводах резко упал, – пояснила я. – Магия идет самотеком, и кое-где переходит в газовую фазу. Ну, а когда такая ядреная смесь попадает в открытые розетки... сам представляешь.

– Вообще-то нет, – хмыкнул Хотен и положил на руль правую руку с зажатыми в ней корочками. – Я все-таки не по технической части.

И правда. Что-то я одичала за полгода в компании инженеров.

– Газу свойственно расширяться и заполнять весь доступный объем. Даже если он – чистейшая магия. В розетках газа недостаточно, чтобы магия кристаллизовалась при низком давлении, но такой выброс в помещении все равно приводит к резкому падению температуры на несколько дней, – стараясь не вдаваться в детали и не сыпать терминами, сообщила я. – А поскольку Первое месторождение – самое крупное, речь идет о заморозках в нескольких горо-

дах, куда ведут магопроводы от него. Причины изменения расхода еще выясняют, но уже очевидно, что часть потребителей придется переключить на другой источник, станция подключения пойдет под замену, а диаметры труб от нее нужно уменьшать. Пять-шесть месяцев работы, я бы сказала.

– Месторождение иссякло? – предположил Хотен и затормозил перед пограничниками.
– С чего бы? – удивилась я. – Это же не золотая жила. Магия не иссякает.

Пограничник предсказуемо устранился предъявленной ему корочки, но все равно дрожавшим голосом попросил записаться в журнал и Хотена, и меня. Пришлось прервать разговор (кажется, мы опять съехали на обсуждение работы, вот неожиданность-то) и вылезти из теплых автосаней ради очередной бюрократической проволоочки. Снаружи я сразу же прониклась жалостью ко всем потребителям, подключенным к Первому, и запись вышла слегка подпорченной трясущейся от холода рукой.

Но я все-таки не удержалась и пролистнула журнал назад, пока не наткнулась на строчку: «Найдён Лом, гостевой визит, принимающая сторона – Агний Лиховских. О возможных последствиях контакта с магией предупрежден». Надпись походила на раздавленного в лепешку ежа – каждая буква неприступно топорщилась острой иглой. Последний человек, который приходил в голову при виде подобного почерка, – это Найдён, с его вечными упоительными историями, толстыми свитерами и неизменной грелкой, прикрученной бинтами к голому телу.

– А кто такой Агний Лиховских? – предсказуемо заинтересовался Хотен, заглянув мне через плечо.

– Начальник первой смены шахтеров, наверно, – я пожала плечами и отложила ручку. – Найден говорил, что шел побеседовать с ним насчет найма на работу, значит, пропуска у него еще не было, и сотрудником он записаться не мог. Надо будет напомнить ему, чтобы отметился в журнале как порядочник, а то будут проблемы с выездом.

Хотен машинально кивнул и отвлекся на громкую трель переговорника. Взглянул на экран – и жестом велел мне возвращаться в автосани, а сам еще добрую четверть часа выплясывал вокруг, напрягая пограничников, хмурясь и ругаясь в трубку.

– Что-то случилось? – настороженно спросила я, когда он все-таки залез в тепло и законопослушно потянулся к ремню безопасности.

– Лют звонил, – хмуро буркнул ревизор, но, не увидев и тени понимания на моем лице, снизошел до объяснений. – Это член комиссии, занимается делом о попытке подключения к магистральному трубопроводу. Кстати, дай-ка мне номер Найдена, надо бы с ним переговорить как со свидетелем.

– У него переговорник сперли, – напомнила я. – Вряд ли он мог где-то здесь купить новый. Он что, единственный свидетель?

– Единственный живой, – уточнил Хотен и стартанул в открывшиеся ворота. – Его напарника тоже вморозило в общую скульптурную композицию вместе с собственно обвиняемыми. Глыба льда размером с половину станции подключения вышла. Чтобы выжить при таком раскладе, нужно быть Найденем, – он чуть усмехнулся.

Меня передернуло.

Чтобы смеяться над таким раскладом, наверное, нужно быть ревизором.

В полукилометре за воротами действительно начиналась весна.

Хотен подъехал к самому краю снежного покрова так, что еще десяток сантиметров – и с возвращением назад в городок могли бы возникнуть крупные проблемы; бросил парку прямо в салоне и выпрыгнул наружу, тут же удивленно охнув и отскочив в сторону. Не сразу сообразив, в чем дело, я повторила его ошибку.

Снег был талый, и из-под него кое-где проглядывали подснежники, презревшие привычное течение времени. Красоту я предпочла оценивать уже после прыжка «в весну», на относительно сухую землю. А потом обернулась – и невольно нахмурилась.

До Малых Буйков было рукой подать. Какая-нибудь пара недель – и морозное пятно доберется до полей, загубит урожай и начнет подкрадываться к домам.

Мы все-таки опоздали.

– Морщины появятся, – напрозорчил Хотен и провел пальцем у меня между бровей, разглаживая сердитую складочку. – Брось. Поселок живет не столько земледелием, сколько рыбными прудами, а они с другой стороны. Время еще есть. Завтра сдашь свою трассировку, а я побеседую с главой комиссии по согласованию, чтобы проект быстрее пустили в работу.

– Не вздумай! – напряглась я. – Нет уж, пусть проверяют нормально, этой магистрали еще несколько десятков тысяч человек магией снабжать!

– Тогда тем более не хмурься, – хмыкнул ревизор. – А то я не выдержу и пропишу всем люлей. К тому же... я тебе этого не говорил, но наверху все равно уже прикидывают размеры компенсаций жителям Малых Буйков. Никто там с голоду не помрет, даже если морозное пятно доберется до рыбных прудов.

– А от холода? – хмуро уточнила я.

Хотен закатил глаза и отвесил мне смачный щелбан.

– Все, что ты можешь для них сделать, – это выпустить трассировку. Но ты так или иначе собиралась сделать это завтра. А сегодня у тебя выходной, осмелюсь напомнить, и в Малых Буйках есть относительно пристойное кафе. Идем.

Я выдавила из себя виноватую улыбку и взяла его за руку. Свидание, да... кажется, у меня полгода их не было. Отделаться бы еще от мысли, что я и этого не заслужила!..

Возле поселка и правда одурительно пахло цветущей черемухой: два невысоких деревца, густо увешанных пушистыми белыми соцветиями, росли по обе стороны от дороги и создавали впечатление почетного караула на воротах в май. Вечернее солнце уже не грело, но щедро рассыпало золотистые блики в молодую листву, и та играла всеми оттенками зеленого.

Контраст с моей привычной обстановкой был оглушающим, и меня не оставляло ощущение нереальности происходящего.

– Вот это жизнь! – заулыбался Хотен, прислушиваясь к птичьему щебету.

Я задумчиво кивнула, соглашаясь, и тут же мотнула головой, прогоняя непрошенные мысли. Реально-нереально – разберемся позже: если утром обнаружу на носу веснушки, значит, все было наяву, если нет – попрошу Любовь Казимировну на всякий случай перепроверить проект трассировки. Мало ли что.

– Погуляем? – неуверенно предложила я, оглядываясь на черемуху. – Пахнет волшебно...

– Мне рассказали про одно место, где тоже волшебно пахнет, – усмехнулся ревизор и свернул на боковую улочку, слегка затененную ровным рядом молодых берез. – Лично я намерен для начала там поужинать.

Я пожала плечами и согласилась, позволяя вести меня куда угодно.

Поселок был не настолько мал, чтобы все жители знали друг друга в лицо, и на нас почти не обращали внимания. Оно и к лучшему: пока Хотен не размахивал корочками, отпугивая излишне любопытных, от нас никто не шарахался и не пялился с суеверным ужасом. Впрочем, нет, ладно, на меня – пялились. Но весеннее солнышко должно было решить проблему с бледной, как у покойницы, физиономией буквально за полчаса-час, так что я не заморачивалась и с удовольствием крутила головой, рассматривая улочку.

Здания – в основном типовой застройки, квадратные, приземистые и невысокие; скупость в архитектурном оформлении скрадывалась живыми изгородями из шиповника, березами в неперенных сережках, рано зацветшей вишней и всенепременной черемухой, пропи-

тавшей воздух сладким ароматом. Для меня так пахла весна – хоть в родном Штильграде она и наступала гораздо раньше.

Владелец намеченного Хотеном кафе оказался не промах, и на маленьком уютном участке перед зданием (серым, квадратным и двухэтажным, кто бы сомневался) установил несколько столиков под простеньким матерчатым навесом. Ревизор, поймав мой алчущий взгляд, понятиливо хмыкнул, но сначала все равно затащил меня внутрь – заказывать. Из прохладного сумрака здания я вырвалась сразу же, ткнув пальцем в первые попавшиеся строчки меню: сюрпризом будет – и заняла угловой столик поближе к зеленеющим кустам.

Кажется, мне нужно было вырваться из Временного городка не меньше, чем Хотену. И уже за эти несколько сворованных часов чужой весны можно было влюбиться в него заново.

Сказкам, увы, свойственно заканчиваться.

Моя прервалась на следующее утро. За время моего отсутствия отдел нормоконтроля нашел еще несколько ляпов и прислал дополнительные замечания, а сверху (как нельзя вовремя) красовалась служебная записка от строительного отдела, по обыкновению, севшего балкой перекрытия на трубы и требующего немедленно (а лучше позавчера) перерисовать одну из камер.

– Что вы там за балки такие приняли... – жалобно простонала я, цапнула записку и пошла к строителям.

– Ратиша, ты ли это? – удивилась Велислава, оторвавшись от голографа с чертежами и увидев меня в дверях.

«Значит, все-таки веснушки», – хмыкнула я про себя и тут же заявила, помахав служебной запиской:

– Не я, но узел трубопроводов почему-то переделывать мне. Почто такая несправедливость, не объяснишь?

– А, это, – чуть нахмурилась соседка. – Вчера пришло указание усилить перекрытие. Вроде как в перспективе там будет еще одна дорога для грузового транспорта, только не спрашивай, зачем.

– У меня такое чувство, как будто наверху твердо решили не дать нам выпустить проект вовремя, – проворчала я и, сложив служебную записку в карман, велела: – Показывай, что тебе там мешает. Прикинем, куда и насколько сдвигать трубы.

Велислава бодро кивнула и потянулась к голографу, приближая нужную область. А я – как какая-нибудь бессмысленная светская сплетница – вместо чертежа уставилась на тонкое запястье подружки, которое украшал резной деревянный браслет. Новый и, похоже, ручной работы: крупный семилепестковый цветок, так удачно вписанный на место бывшего сучка, что казался проросшим прямиком из мертвой древесины, как живая аллегория торжества творчества над смертью и тленом.

– Так, – сказала я и гнусно ухмыльнулась.

Велислава проследила мой взгляд... и покраснела, как восьмиклассница на сельской дискотеке.

– Он еще и по дереву режет? – рассмеялась я, заработав недовольный взгляд начальницы отдела, и тут же притихла, с невозмутимым лицом усевшись перед объемной моделью будущей магкамеры.

– Разве что шнурочки сам не плетет, – умиленно поведала Велислава, покосившись на браслетик, и непреклонно ткнула пальцем в балку перекрытия, которую пересекал подсвеченный красным трубопровод. – Вот. Миллиметров двести вниз – и я снова тебя люблю.

– Двести – мало, там еще изоляция. Если она перетрется, любить меня будет не за что, – вздохнула я, перекидывая себе данные. – Твой папа знает?

– Еще чего не хватало! – окончательно смутилась соседка. – Не вздумай ему ляпнуть! Он же его четвертует и уволит!

– А если пара-тройка упоительных историй и собственноручно приготовленный ужин? – предположила я.

– Тогда я тебя четвертую и отпинаю, – ласково пообещала мне Велислава. – Найд милый, но с семьей его знакомить – боже упаси! «Мама, мне нравится мальчик, ему двадцать восемь и у него грелка под мундиром, а еще он помрет из-за невозможности нормальной врачебной помощи»... нет уж. Я слишком молода для серьезных отношений.

Я невежливо прыснула, получила свой причитающийся пинок от Велиславы и уничижающий взгляд – от начальницы отдела и гордо удалилась перечерчивать камеру. За очередную задержку в выпуске, разумеется, мне полагался пинок и уничижающий взгляд еще и от Малуши Путиславовны, но она только грустно посмотрела, как я выясняю отношения с голографом, и молча удалилась в свой кабинет.

Сработало не хуже, чем у Беримира. К вечеру я все-таки сумела прийти к консенсусу с Велиславой, нормоконтролем и здравым смыслом – и выпустила-таки эту разнесчастную трассировку. Только легче уже не стало никому: ближе к четырем часам в бюро заявился ревизор третьего чина Хотен Верещагин собственной персоной, и к формальному концу рабочего дня персонал пребывал в панике и отчаянии.

Это я могла позволить себе с чистой совестью уйти домой в положенные пять часов: теперь моя работа заключалась в согласовании трассировки со всеми заинтересованными и авторском надзоре за строительством (которое еще не началось). А вот у конструкторов аврал только начинался, и, по-хорошему, им следовало задержаться, чтобы поспевать за графиком выдачи документации. Но работать сверхурочно под носом у ревизора было все равно что расписаться в собственной неорганизованности и срыве сроков...

Я сделала что смогла: без десяти пять ненароком попалась Хотену на глаза и осторожно намекнула, что даму сердца неплохо бы проводить до дому. Ревизор хмыкнул, давая понять, что мой маневр не остался незамеченным, но покорно свернул подрывную деятельность и пошел греть автосани. А я отправилась за верхней одеждой – и попалась на глаза уже Малуше Путиславовне.

Начальница хмурилась так, будто наш отдел действительно сорвал сроки.

– Ратиша, завтра нужно будет съездить к станции подключения, – проинформировала она меня. – Сама Любовь Казимировна не может, у нее проект дублирующей подстанции в разгаре, а ты как раз освободилась. Там что-то с секущей арматурой не так, травит потихоньку. Оперативный персонал утверждает, что проблема в проекте. Глянешь, соответствует ли вообще собранная станция документации и что может быть не так. После обеда соберем оперативку и будем разбираться.

– Понятно, – безропотно согласилась я.

Завтра начальница поймет, что, пока Хотена было кому отвлекать, работалось гораздо проще. Но это будет завтра...

Глава 4. Snowed under with work

(англ.) быть заваленным работой

Станция подключения стояла в самом сердце холодного пятна, и моя утренняя подготовка к поездке вызвала у Хотена нервный смех. Я пожалала плечами и продолжила наматывать шаль на поясницу. Это он тут горячий парень, рискнувший спуститься в шахту без шерстяных гамаш, а я, пожалуй, пас.

Согласно порядку выездных проверок, с утра мне полагалось заехать в бюро, чтобы отметить на вахте, забрать проект станции подключения и встретиться с сопровождающим из числа уполномоченных лиц: вывозить документацию единолично инженеры не имели права. Я ожидала увидеть кого-нибудь из «старожилов» местного участка – младшего сына капитана Волкова или городского Квитуна; но, разумеется, кому могла выпасть поездка в самую холодную точку Временного городка, как не Найдену Лому?

Мне показалось, что найденыш как-то напрягся, увидев вместо Любови Казимировны меня, но заговорил он как ни в чем не бывало.

– Не смейся, – попросил он вместо приветствия. – Я единственный в участке остался без напарника и на патрулирование не гожусь, пока не найдут замену. А вот в сопровождающие меня выписали за милую душу, и да, грелку я уже примотал заранее.

На этой благой вести я не выдержала и пренебрегла первой рекомендацией, чуть не выронив бесценную папку с чертежами.

– Капитан прознал-таки про Велиславу? – предположила я, так и не справившись со смехом.

Найден развел руками, но комментировать свою личную жизнь не стал (как и интересоваться, откуда я о ней узнала) и дисциплинированно сопровождал меня до служебных автосаней. Ошалевший взгляд вахтера, явно не разделившего мою радость при виде порядочника с неповторимым украшением через половину рожи, мы предпочли дружно проигнорировать.

Охранник на воротах станции подключения тоже рассматривал Найдена как чрезвычайно подозрительную личность – даже погоны городского низшего оклада не успокоили его мятущуюся душу, и найденышу пришлось предъявлять удостоверение, невзирая на то, что в пропуск были вписаны два человека, и никаких сомнений в том, кто из нас кто, быть не могло.

– Все нормально, – сказал найденыш в ответ на мое недовольное ворчание, пока я парковалась на специально отведенной площадке. – Я бы скорее насторожился, если б он меня не перепроверил. Я ведь и правда произвожу впечатление милого домашнего мальчика, только когда валяюсь в отключке, – ехидно добавил он. – Иначе шиш бы ты меня подобрала!

Я собралась было возразить, хоть для этого и пришлось притормозить и повернуться к пассажирскому креслу, но быстро растеряла все аргументы.

Слишком загорелая для жителя Временного городка кожа, искривленная шрамом усмешка, темная вчерашняя щетина, еще больше подчеркивающая увечье, и тяжелый взгляд орехово-карих, как у кочевников из-за Серого хребта, глаз. И что-то в позе – напряженной, настроенной, словно он в любой момент готов броситься...

Мне стало не по себе.

Тем вечером, когда я его подобрала, он и впрямь производил совершенно другое впечатление. Тогда из-под слишком легкой шапки выбивались темные пряди, припорошенные инеем, а ресницы казались белыми; переохлаждение живо сравнивало его цветом со старожилами, а уж поза... ну какая там поза может быть у оглушенного человека, валяющегося в сугробе?

Да и потом, когда он перебудил весь дом, отдавив Тайке лапу. Сидел, растерянный, весь в бинтах, и слушал Беримира, судорожно соображая, где и как оказался. Когда вымаливал у

собаки прощение, отдавая ей лакомые кусочки из собственной тарелки. И когда замкнутый, вечно напряженный Беримир вдруг стал называть его Найдом и запросто выпрашивать для него грелку, хотя до сих пор всегда старался выдерживать со мной вежливую дистанцию, чтобы не расстраивать Ведану...

– Где вообще твой инстинкт самосохранения, Тиша? – задумчиво поинтересовался Найд, словно мог слышать мои мысли, и вылез из автосаней, не дожидаясь ответа.

И правильно. Вряд ли он был бы адекватным.

На станции нам предсказуемо не обрадовались. Персоналу было выгоднее, если бы виноватым признали проектное бюро, – а какой им интерес в том, что инженер лазит по отсекам и выискивает недочеты и ошибки?

Сопровождающий из числа работников станции, назвавшийся Дареном, сначала хмурился и огрызался на любую обращенную к нему реплику. Но не прошло и четверти часа, как они с Найденом поотстали, обмениваясь разными версиями теорий о сущности магии и истории ее появления. Я только пожалала плечами (ну, Найден же, чему тут удивляться-то?) и пошла дальше вдоль аккуратного ряда основного оборудования.

Никаких несоответствий проекту я не видела. Станцию собирали педантично и основательно. При правильном обслуживании она должна была простоять не меньше гарантийных тридцати лет. Но возле каждой запорной арматуры и правда ощущалось заметное понижение температуры. Посомневавшись, я все-таки стянула варежку и протянула руку – от редуктора тянуло таким холодом, что прикоснуться уже что-то не хотелось.

– Не трогайте! – опомнился сопровождающий, отвлекшись спора о теории спящих драконов, и в три прыжка догнал меня. – Это же для ремонта счетчиков, а при работе линии должно быть полностью открыто! – и тотчас стушевался, вспомнив, кому это рассказывает.

– Я знаю, – немилосердно подтвердила я, поспешно натягивая варежку. Говорить получилось с трудом: лицо замерзло, но разматывать шарф с шеи, чтобы прикрыть физиономию, я не рисковала. В блоке с основным оборудованием в принципе бывает холодно, но неисправные задвижки делали ситуацию невыносимой.

– Кажется, ты ей льстишь, – со смешком заметил Найден, с задумчивым видом обойдя редуктор. – Чтобы сдвинуть эту махину, нужно быть... гм... – теперь стушевался он.

Я снова пожалала плечами.

Да, чтобы сдвинуть редуктор задвижки диаметром в мой рост, нужно быть как минимум не моего роста. А в идеале – не моего пола и не моей профессии. Но стесняться этого я определенно не собиралась.

– Я ее не сдвину, но технически Дарен прав, – справедливости ради заметила я. – Доступ к арматуре получают после аттестации на оперативника, которой у меня нет. Прошу прощения, я не собиралась ничего трогать. Просто хотела понять, насколько все плохо. Раз уж не могу понять почему...

И как у Хотена так легко получается находить нарушения?

– То есть с нашей стороны все в порядке? – воспрял духом сопровождающий.

– До сих пор было, – я с намеком посмотрела дальше, на следующую секцию регулировки давления, до которой еще не добралась. Но она все равно «после себя», и на предыдущие по ходу задвижки влиять не должна... – И еще я хотела бы взглянуть на протоколы испытаний и паспорта задвижек. Если можно, снять копию. В бюро планируется провести совещание и проверку всей документации.

– Включая проектную? – дотошно уточнил Дарен.

Кажется, он участвовал в сборке лично.

– И ее тоже, разумеется, – подтвердила я. – Распорядитесь насчет протоколов и паспортов? Не хотелось бы терять время, здесь очень холодно, – и, обреченно вздохнув, отошла на

пару шагов, чтобы сделать снимок первой на моей памяти безукоризненно собранной станции подключения.

Дарен кивнул и взялся за рацию и вроде как заговорил – я видела, как двигаются его губы, но почему-то ничего не слышала.

И пять мучительно долгих секунд раздумывала, чем это может быть вызвано.

Сам Дарен соображал быстрее. Таких тугодумов, как я, в оперативники не брали... но это мало на что повлияло.

Сопровождающий успел мгновенно побелеть, махнуть рукой в сторону эвакуационного выхода и даже сделать несколько шагов. Я не успела и этого – но наконец-то вспомнила, что газообразная магия прозрачна и перестает проводить звук, как только ее концентрация достигает девяноста процентов от критической. В животе тотчас заворочался холодный ком – как будто вокруг холода было мало – а колени предательски подогнулись.

До ближайшего эвакуационного выхода было ровно двенадцать метров. Как положено.

Быстрее всех, как выяснилось, соображал Найден. Только он своевременно допер, что ни до какого выхода никто из нас не добежит. Зато окна в подобных отсеках относятся к легкобрасываемым конструкциям...

А всякие хилые проектировщицы – к легковыбрасываемым.

Окно, на мое счастье, тоже сделали по проекту, из тонкого морозостойкого пластика, который высадился целиком, не повредив ни раму, ни меня. Испугалась я запоздало, только в тот момент, когда внезапно обнаружила, что падаю с высоты третьего этажа, а за спиной у меня – магия, которой достаточно, чтобы взять и...

Додумать я тоже не успела. Позади была не только магия, но еще и Найден – значительно более тяжелый, чем я, и выпрыгнувший в том же направлении. От удара в спину я предсказуемо завизжала, но найденыш, судя по реакции, ничего не услышал – или орал громче, а не услышали мы оба.

Роскошный пушистый сугроб приближался с угрожающей скоростью. Я закрыла руками лицо и зажмурилась, и потому пропустила тот момент, когда в спину вцепившегося в меня Найдена врезался кто-то еще и добавил нам ускорения. От удара о снег из меня вышибло весь воздух, и приземлившись сверху найденыш ситуацию не облегчал ни капельки, да и ругался как черт.

Болели локти, отшибленные колени и живот. Но все это отлично чувствовало, что сугроб – ужасно холодный, а Найден сверху – теплый, и, значит, все было не так плохо, как могло бы...

– Чертежи! – охнула я.

– Тиш, – глухо окликнул найденыш. – Сможешь прокопаться вперед и вылезти из-под меня?

– А сам слезть ты не можешь? – поинтересовалась я, вмиг оценив всю двусмысленность нашего положения.

– Не могу, – ровным голосом подтвердил Найден. – Вылезешь? Сугроб должен быть рыхлый, судя по тому, как мягко мы приземлились.

– Это, по-твоему, было мягко?! – от возмущения я взбрыкнула и с визгом съехала по сугробу, с неожиданной легкостью выскользнув из-под найденыша.

И уже снизу оценила, почему так вышло.

Из выбитых окон станции подключения во все стороны выростали неподвижные полупрозрачные облака размахом в целый блок. При низком давлении и высокой концентрации магия кристаллизовалась – но вживую я это видела впервые.

А Найден на самом деле не упал в сугроб, а художественно висел на вмороженных в лед форменных сапогах и парке.

И, выходит, в конце в спины нам врезался отнюдь не Дарен...

– Выбраться сможешь? – запоздало холодея от ужаса, спросила я.

Найденыш повозился, заглянул куда-то себе за спину и обреченно признался:

– Нет. Нужен топор.

– Подожди, я позову на помощь! – пообещала я и со всех ног припустила к основному корпусу.

Откуда почему-то никто не бежал навстречу...

А мое триумфальное появление в дверях отвлекло охранника, как раз подходившего к окну. Оперативный персонал как ни в чем не бывало порхал по площадке у нас над головами, подготавливаясь к сборке дублирующей подстанции.

– У вас что, сигнализация не сработала? – ошарашенно поинтересовалась я, узрев эту идиллию.

– Нет, а что вы натворили? – поинтересовался охранник и как раз рассмотрел – что.

Но позволить ему преспокойно стоять в ступоре я не могла.

– Топор есть?

– Сами себе голову снесете? – любезно уточнил охранник, не отрывая взгляда от магического льда.

Каким чудом я сдержала порыв снести голову ему – и сама не поняла. Но даже сумела коротко и, что вовсе не лезло ни в какие ворота, цензурно объяснить, зачем мне понадобился топор и почему неплохо бы дать мне его немедленно.

Охранник прищурился, рассматривая темную фигурку на краю ледяного облака, и ровным голосом скомандовал:

– Возьми топор в пожарном щитке. Я сбегаю за стремянкой.

Притащить стремянку и впрямь оказалось более чем здоровой идеей. Сугроб был слишком рыхлым, чтобы влезть по нему наверх и еще и размахивать там топором. А так – поднятая суматоха привлекла несколько оперативников, и теперь один придерживал стремянку, а второй, отчего-то побелев сильнее Найда, орудовал примотанным к лому топором.

Чтобы не чувствовать себя совсем бесполезной, я повисла на переговорнике, упрасывая Беримира явиться лично или хотя бы прислать Болеслава. Или кто там еще помнит, что делать без диагноста? И порядочников вызвать, все равно им отчет о происшествии составлять...

Беримир, что характерно, даже не удивился и приехал на месторождение аккурат к тому моменту, когда окончательно посиневший Найден наконец-то грохнулся в сугроб. Врач задумчиво оценил масштабы «облака» и так и оставшиеся в ледяном плену форменные сапоги и парку и тотчас принялся командовать. Оперативники вняли: трое бросились осматривать станцию подключения в поисках Дарена, двое полезли в сугроб вынимать Найда, а еще один безапелляционно увел меня в тесную комнатку отдыха в основном здании и вручил кружку с чем-то горячим и почти безвкусным.

Я покорно отпила, обжигаясь, благодарно покивала своему сопровождающему и снова достала переговорник, но набрать нужный номер так и не рискнула.

Хотен и так был не в восторге от моей работы. Он мечтал возвращаться из командировок в теплый, уютный дом, где его ждет любимая женщина и, может быть, ребенок – или двое-трое. То, что его «любимая женщина» от такой перспективы предпочитала удирать в сорокаградусные морозные пятна, воспринимал чуть ли не как личное оскорбление и смирился только на втором месторождении. После сегодняшнего ни о каких компромиссах речи точно уже не пойдет.

С экрана на меня смотрела выпускная фотография: одnogруппник Хотена забавы ради снял, как он звонит мне после получения свидетельства о распределении. Гордый собой, широко улыбающийся, непередаваемо смешной в студенческой форме, не рассчитанной на такой размах плеч.

Когда он дозвонился в тот день, я уже паковала чемоданы. Инженеров распределяли раньше...

Я заблокировала экран, поднялась на ноги и попросила проводить меня к герою дня.

Лучше б сидела и названивала Хотену.

Найда за неимением вариантов утащили в мужскую раздевалку. На входе в нее какой-то оперативник откачивал обморочную женщину в халате лаборанта и на меня откровенно вызверился, заявив, что еще одна кисейная барышня тут лишняя, поскольку он первую в себя привести не успел.

Это он зря. У меня сердце в пятки ушло. До какой степени Найден должен был обморочиться, чтобы одним своим видом отправить в отключку аттестованную сотрудницу Временного городка?..

Уже не интересуясь мнением оперативного персонала и наличием оногo в раздевалке, я распахнула дверь и решительно шагнула внутрь.

– Кто там еще? – и не обернулся Беримир. – Надеюсь, хоть ты-то можешь подать мне тампон? – и, неудобно скрючившись над лежащим спиной кверху на узкой скамейке найденышем, чем-то сочно чвякнул.

Найден взвыл и тут же заткнулся, стиснув зубы.

– Терпи, – назидательно посоветовал врач. – Вспомнил бы не о топоре, а о газовой горелке – целее был бы, – и протянул назад руку, так и не соизволив обернуться.

Я огляделась, нашла взглядом щипцы и быстро сунула ему тампон, смоченный в спирте. Найден взвыл повторно. Я все-таки рискнула присмотреться и чуть не взвыла из солидарности.

Мне-то казалось, что, падая, он за меня хватался с перепугу, инстинктивно, в надежде замедлить падение. Но это тоже оказался тонкий расчет: найденыш закрывал меня собой от первых кристаллизовавшихся льдинок, пулями вылетающих из выбитых окон. А в конце – от тонких «шипов» по краю ледяного облака; похоже, это их перерубали топором, чтобы он смог вылезти из собственной парки...

Одежда, кучей сваленная у скамейки, вся окрасилась в один и тот же цвет. Обнаженное тело на скамейке было на пару тонов посветлее. Беримир орудовал всем, что оказалось под рукой, вытаскивая из него нетающие магические льдинки и обломки шипов.

Кажется, из меня вырвался-таки какой-то нечленораздельный звук, потому что врач повернулся ко мне с обреченно-выжидательным выражением на лице и, похоже, приготовился ловить еще одно обморочное тело. Осознав это, я молча сглотнула и, натянув перчатки, приготовила следующий тампон.

В моем присутствии выть Найден постеснялся и только с шипением выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

– Ну, герой, – безнадежно вздохнула я и полила спиртом еще один тампон.

– Зато ты действительно вытаскиваешь меня из сугроба раз в пару недель, – блеснул остроумием найденыш и тут же уткнулся лицом в скамью, пережидая особо живодерскую операцию по выниманию крупного шипа из мягкого места.

«Шить придется», – поняла я и с сочувствием посмотрела на Беримира. Как давно он последний раз делал швы вручную? Поди, боится больше пациента...

И немудрено. Судя по рубцам на спине пациента, для него эти швы будут далеко не первыми...

– Технически – это была не я, а местный персонал, – справедливости ради отметила я, чтобы отвлечься. – Как ты вообще додумался выброситься в окно? Даже оперативник попытался добежать до выхода...

– И как, успел? – спросил Найд у скамейки и, не выдержав, адресовал ей же пространный пассаж о морозах, магии и способах ее кристаллизации.

Я промолчала. Судя по тому, что Дарена до сих пор не притащили под светлые очи врача, – перед этим оперативника предстояло вырубить изо льда.

– Я просто вспомнил, что было на патрулировании, – доверительно признался Найден, не дождавшись ответа и сделав выводы. – Несколько секунд тишины, а потом эта дрянь твердеет и в объеме увеличивается, как... – тут Беримир добрался до несговорчивого осколка, и твердая фаза магии получила совершенно непристойный эпитет, мало соответствующий реальному положению вещей. – Подумал, что и я-то до двери не добегу, а про тебя и говорить нечего. А при падении из окна третьего этажа шансов выжить все-таки побольше, чем в ледяной глыбе... повезло, что внизу был сугроб. Не то, боюсь, ты бы мне послужила демпфером... у-у-у!!

– Все, – флегматично проинформировал его Беримир, со звоном отправив последний осколок в ведро. – Вот теперь будет больно. Ратиш, там кто-то из химцеха нашел у себя иголку... ага, ее. Давай-ка ее в спирт вместе с ниткой.

Найден обернулся через плечо, скривился и обреченно уткнулся обратно лицом в скамейку. А я сделала вид, что меня вовсе не тошнит.

На выходе из раздевалки нас караулил зеленый, в тон форменной парке, Владислав Волков-младший. Я кивнула ему вместо приветствия и привалилась к стене. Беримир удивленно обернулся, но, рассмотрев на свету мою физиономию, понимающе хмыкнул и достал переговорник – отчитаться начальству и узнать, не освободились ли места в стационаре.

– Как Найд? – Владислав, наученный горьким опытом, в раздевалку уже не заглядывал.

Беримир как раз вдохновлено рассказывал трубке что-то про попытки шить прямой иглой и только отмахнулся, так что отвечать пришлось мне:

– Переохлаждение и заштопанная спина. И выйти не в чем, верхняя одежда заморожена в место происшествия, а остальную срезать пришлось... – я бесславно сползла вниз по стене.

И с какого перепугу спасение дам в беде превозносят как романтический подвиг? В двух стежках на заднице и семи – на спине точно не было ничего романтического. Кроме цвета ниток, разве что: у слабонервной сотрудницы химцеха нашлись только розовые. Но и те после использования предсказуемо стали бурыми.

А уж спасенная дама и вовсе мечтала провалиться сквозь землю.

Съездила, мать, на задвижки глянуть!

– Везунчик, – неуверенно улыбнулся Владислав и закурил.

Я скептически глянула на него снизу вверх.

– Время смерти Дарена Куца – десять двадцать три, – сообщил он. – Поэтому Найд – все равно везунчик. И ты тоже, хоть тебе пока так и не кажется.

– Поговорю со следователем – вообще в обратном уверюсь, – пробурчала я, передернувшись.

– Что, уже начала? Ну, уверяться в обратном? – хмыкнул Волков-младший. – А то ты с ним уже говоришь.

– А... с повышением? – вяло улыбнулась я, уходя от ответа.

Снизу погон видно не было, а выходя из раздевалки, думала я вообще о другом.

Владислав безразлично кивнул и затаился.

– Сигнализация не сработала, – сказала я ему. – А пока сигнализация молчит, аварийная вентиляция не работает... не знаю, что именно накрылось, то ли датчик загазованности, то ли сама сигналка. Я только и успела, что перепугаться вусмерть.

– Уже второй случай спонтанной кристаллизации за последний месяц, – констатировал Владислав. – Ревизионная комиссия тут все носами перероет.

Я покосилась за окно, где из блока со станцией подключения по-прежнему распускались полупрозрачные облака магического льда, и поймала себя на неуместном желании жениться на Хотене и отправить его в безопасный и теплый Штильград. Пусть себе сидит дома с ребенком (да хоть с тремя!), чем рыть носом магическое месторождение...

Но тут мне, как и ему раньше, оставалось только смириться.

– Стационар – под завязку, – сообщил нам Беримир, на ходу засовывая переговорник в карман штанов. – Героя дня и то деть некуда. Кто вообще вместимость больниц рассчитывает?!

– Технологический отдел, – машинально ответила я на риторический вопрос. – Но расчет, сам понимаешь, ведется для общего случая... куда теперь этого героя дня? Он же сам и сесть-то не сможет, пока швы не снимут...

– Почему? – флегматично пожал плечами врач. – Сможет, но ему это очень не понравится. Да и заживать дольше будет. Может, к Велиславе? В общезитии у него холод собачий...

– Черт! Я же на работу не позвонила! – охнула я и потянулась за переговорником.

Малушу Путиславовну и Любовь Казимировну ждал большо-о-ой сюрприз...

Вместо послеполуденного совещания я угодила в участок, где добросовестно натерла себе мозоль на языке. Владислав, попав под надзор старших чинов, повел беседу по всем правилам, то и дело возвращаясь к уже обсужденным фактам и другими словами задавая старые вопросы. Вряд ли он надеялся поймать меня на оговорках и несоответствиях – скорее просто следовал букве инструкции. Да и ничего особо полезного я ему поведать не могла. Тем не менее, отцепиться от меня его сумел заставить только Хотен Верещагин собственной персоной, явившийся в участок ближе к вечеру.

При виде его хмурой физиономии я неожиданно поймала себя на малодушном порыве остаться среди порядочников. Утешало только одно: обоих Волковых перекосило так, будто они предпочли бы мерзнуть на станции подключения, нежели общаться с недовольным ревизором третьего чина.

– Вечер добрый, – изрек Хотен, напрочь игнорируя то, что с его появлением вечер, и без того не слишком радостный, окончательно перестал быть добрым. – Могу я ознакомиться с докладом?

Будучи при исполнении, он не мог позволить себе никаких проявлений привязанности – и, кажется, это бесило его не меньше, чем то, что я ему так и не позвонила. А расхлебывать дурное настроение товарища ревизора предстояло капитану Волкову, и он уже косился на меня как на врага народа.

Как будто не добровольно натаскивал сыночка вести допросы на моем примере!

– Никак нет, товарищ ревизор, – отрапортовал капитан. – Доклад еще не готов. Опрашиваем свидетелей.

Учитывая, что один из ключевых свидетелей сейчас должен был лежать заштопанной задницей кверху у Велиславы дома, опрос грозил затянуться.

– До завтра уложите? – неожиданно по-человечески поинтересовался Хотен и, не выдержав, подошел и положил руку мне на плечо.

Я вздрогнула: похоже, товарищ ревизор не поленился лично облазить станцию подключения, и руки у него были ледяные.

– Так точно, – с облегчением кивнул капитан Волков.

А Хотен не преминул усложнить ему задачу, безапелляционно забрав второго ключевого свидетеля прямо из-под носа у разочарованного следователя, вынужденного заткнуть бездонную бочку своих вопросов. С одной стороны, я была даже благодарна. С другой...

– Ратиша, я, помнится, лично покупал тебе переговорник.

А я его сменила. Аккурат перед поездкой на третье месторождение: он таки приказал долго жить.

– Почему ты мне не позвонила?!

Да, Хотен не Беримир, он укоризненно молчать не будет. Даже когда по-хорошему следовало бы.

Вместо этого товарищ ревизор прочитает целую лекцию на тему способов сохранения нервных клеток своим близким и будет отвратительно прав в каждом слове. Остановится,

конечно же, только когда я все-таки не выдержу и разревусь. Но так и не сообразит, что лекцию стоило не только читать, но и принять к сведению, поскольку у его близких нервы тоже не казенные. А дом встретит меня темными окнами, голодным собачьим скулежом, полупустым холодильником и выставшей за день буржуйкой...

Справедливости ради, мне хватило терпения выслушать нравоучения, хоть они и заняли большую часть дороги, извиниться (Хотен ведь действительно переживал!) – и разревелась я, только увидев холодную темноту в климатическом куполе.

Я не хотела домой. Но там была Тайка, и я, раздраженно хлопнув носом на ревизора, отмахнулась от его неловких утешений и пошла кормить собаку. И растапливать печь: купол с морозами уже не справлялся. И, наверное, готовить что-то на ужин...

Домик Велиславы подмигивал золотистым светом в окнах. Я вытерла лицо варежкой и отвернулась, отпихивая Тайку обратно в свой купол.

Нужно будет завернуть к герою дня. Я так и не сказала ему «спасибо».

Мой домик постепенно оживал: наполнялся шагами, дыханием, потрескиванием дров в печке, пропитывался теплом. Последнее особенно радовало Тайку, и она, презрев свой собачий компанейский долг, бросила меня одну на кухне, чтобы по-барски разлечься на диване возле буржуйки. Обычно я ее оттуда сгоняла, но сегодня не стала.

Поступок, совершенно неправильный с точки зрения дрессировки, но удивительнейшим образом умиротворяющий. Пару недель назад на этом диване спал Найден, и мне отчего-то было приятно видеть, что место не пустует.

Хотен зашел на кухню только раз, явно собираясь продолжить разговор, но успел только ненадолго отвлечь меня от плиты и прижать к себе, прежде чем убежал на пронзительную трель переговорника. Теперь, похоже, аврал намечался у него – и товарищ ревизор почти на час повис на трубке. Я уже доставала из духовки кекс с сухофруктами, когда он наконец сдался и смирился с неизбежным.

– Мне нужно вернуться на месторождение, – вздохнул он, прислонившись к дверному косяку, и скрестил руки на груди. – Ты как?

– Уже успокоилась, – соврала я. – Езжай. Со мной все будет в порядке.

Увы, к числу отрицательных черт Хотена относилась невозможная привычка видеть меня насквозь, и ревизор только с крайне скептическим видом склонил голову к плечу.

– Загляну к Велиславе, – сказала я ему. – Как раз и кекс пригодится.

Хотен недовольно прищурился, но кивнул и отпустил меня с миром.

Глава 5. Hit home

(англ.) попасть в точку, точно в цель, угадать

Герой дня дисциплинированно лежал спиной кверху на расстеленном прямо на полу одеяле и вдумчиво тянул куриный бульон через соломинку. Бледная Велислава хлопотала у буржуйки, подбрасывая дрова: ее купол, несмотря на дополнительные навороты, тоже перестал справляться с холодами.

Стоило мне хлопнуть входной дверью, как она вскочила, позабыв прикрыть буржуйку, и бросилась мне на шею. Я едва успела поставить кекс на тумбочку.

– Все, мне полегчало, – с нарочитым, наигранным весельем в голосе сказала Велислава, уткнувшись носом мне в плечо. – А то психую тут, нервничаю, и даже обнять некого...

Плечи у нее дрожали.

– Знакомая проблема, – отозвалась я, подхватывая ее нарочито легкомысленный тон. – Именно поэтому я завела собаку. Правда, есть минусы: обниматься она хочет практически постоянно, даже когда у меня настроения нет.

– Да и жрет как не в себя, – подхватила Велислава.

– А ты, милая, пошла дальше и привела в дом мужика, который жрет еще больше, – немедленно вставил Найден с пола, оставив в покое соломинку. – Где же твой рационализм и инженерный подход?

– А вот! – отозвалась подруга, сграбастав с тумбочки увесистый гостинец и продемонстрировав его пострадавшему. – Тут ведь главное что? Грамотное распределение труда и ресурсов! Я притаскиваю домой мужика, а кормит его соседка.

В ее наигранном веселье слышались какие-то истерические нотки. Я подозревала, что звучу абсолютно так же. Иначе с чего бы Найдену так хмуриться и порываться встать?.. Как будто это не он тут жертва обстоятельств, с художественно заштопанной спиной и очередным переохлаждением, а я!

– Прозвучало бы рационально, если бы ты не подкармливала Тайку при каждом удобном случае, – криво усмехнулась я. – Поставишь чайник?

– Все рационально. Я подкармливаю всего-навсего голодную собачку, а ты – целого мужика! – оставив за собой последнее слово, Велислава поступью победителя удалилась на кухню.

А я разулась и оккупировала диван напротив буржуйки, благо на него никто не покушался. Найден, чуть поморщившись, повернул голову в мою сторону.

– Как ты?

– Цела, – ничуть не покривив душой, ответила я. – В отличие от тебя.

Что такое несколько синяков по сравнению с тем, во что превратилась его спина?.. Найдену даже одеться нормально не мог – так и валялся в коротковатых, но просторных и мягких домашних штанах Хотена и его же рубашке, которую не сумел застегнуть. Наверное, Найду было холодно, но укрыться получилось только до бедер: должно быть, тяжелое одеяло раздражало свежие швы и царапины. И грелку теперь не примотать...

– Заживет, – Найден попытался по привычке пожать плечами и скривился. – Ничего, бывало и хуже.

– Лицо – это последствия того самого «хуже»? – бестактно спросила я, обрадовавшись возможности сменить тему, и только потом спохватилась. – Прости, я...

Найден однобоко усмехнулся, прищурившись.

– Нет, лицо – это за дело, – отозвался он, и в его голосе проскользнули неуместно мечтательные нотки. – О! Помню, в шахте как-то один товарищ так искусно приложился лбом,

что получил шрам в форме молнии. Как ни бесился потом, от прозвища «Не влезай, убьет!» так и не избавился...

Я отзеркалила его усмешку. Как же, жди, Ратиша, расскажет он о себе. А потом догонит и еще расскажет. В подробностях.

Зато кладезь упоительных историй о «товарищах» и «знакомых» по-прежнему неисчерпаем. Кто бы сомневался?

– В шахтах таких, – найденыш выразительно дернул одним уголком рта, – всегда полно. Работенка, мягко говоря... но кто-то должен делать и такую.

– Найд, – тихо сказала я, – Хотен ведь так легко, как я, не отстанет. Ты видел две аварии из трех.

На какое-то мгновение мягкая полуулыбка найденыша превратилась в кривой хищный оскал. Или мне показалось? Не может же выражение человеческого лица меняться так быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.